

Ф Р И Д Р И Х
НЕЗНАНСКИЙ

**ВИНОВНИК
ТОРЖЕСТВА**



**МАРШ
ТУРЕЦКОГО**

Новый роман

РОССИЯ
ТЕЛЕКАНАЛ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Виновник торжества

Серия «Марш Турецкого»

*Текст предоставлен издательством «Олимп»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169302
Виновник торжества: Эксмо, Олимп; Москва; 2005
ISBN 5-699-14083-2, 5-7390-1788-2*

Аннотация

Накануне Нового года в лифте одного из домов Санкт-Петербурга найдена задушенная девушка. Оставленная на месте преступления бескозырка указала на невиновного. А тем временем город потрясает известие об аналогичном преступлении – в лифте опять изнасилована и убита девушка. Потом еще одна. И еще... Следствие зашло в тупик.

Но в Санкт-Петербург с проверкой приезжает Александр Борисович Турецкий. Он приглашает из Москвы оперативную группу, и с помощью питерских коллег им удастся вычислить преступника. Кто бы мог подумать, что маньяком окажется такой известный человек...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	109

В сон он погружался медленно, как в черную бездонную яму. Тело проваливалось, летело, скользило, потом набирало скорость, и ужас охватывал его – сейчас, сейчас он достигнет дна и разобьется, рассыплется на кусочки, и в этот момент он испытает страшную боль. Ничего не видно в этой беспросветной темноте, не за что зацепиться взгляду... «Как же мне страшно», – подумал он. И последним усилием воли разлепил веки и вскочил на постели. Пот ручьями струился по лицу, по спине, глаза в ужасе шарили по неясным предметам комнаты и, наконец, остановились на оконном проеме. «Вот окно... – вяло думал он. – Хорошо, что оно не зашторено. Голубоватый свет проникает извне, это свет уличных фонарей. А голубоватый, потому что падает снег. Ночью он всегда кажется голубым. Этот голубой свет струится, втекая в окно, как вода... Воды... Я хочу пить».

Он спустил ноги с кровати на холодный пол. Посидел какое-то время, подрагивая от холода. Мокрое тело остыло, и его сотрясала мелкая дрожь. Тяжело встал и босиком отправился на кухню. Долго шарил рукой по стене, пока нащупал выключатель. Резкий слепящий свет больно ударил по глазам, и он невольно сощурился. Отыскал в раковине среди горы немытой посуды грязную чашку. Чистых уже не осталось. Ополоснул ее и выпил из-под крана теплую, противную на вкус воду, включив по рассеянности кран с горячей водой. Возвращаясь в комнату, в зеркале встретился взглядом со своим отражением – бледное, отекшее лицо, мешки под

глазами, тусклые волосы неровными прядями прилипли ко лбу. «Боже мой, какой я страшный...» – Он отвернулся от зеркала и, шаркая шершавыми пятками больших ног по полу, пошел, пошатываясь, к кровати. Рухнул прямо на одеяло – не было сил вытащить его из-под себя. Глаза закрылись... Какие-то видения замелькали перед глазами. Отголоски звуков... Смеющаяся девушка с длинными белыми волосами поднимается по лестнице. Короткая юбочка высоко открывает ноги. Он стискивает зубы, чтобы подавить в себе желание протянуть руку и схватить ее за мягкие выпуклости, которые открываются, когда юбочка, дразнясь и волнуя, подпрыгивает в такт ее шагам...

И опять он летит в пропасть, вытянув руки, чтобы ухватиться за какой-нибудь выступ, задержать свое стремительное и страшное падение...

Глава первая

Страшная новогодняя ночь

Серебристая «вольво» весело катила по гладкому, слегка припорошенному снегом шоссе, и вскоре здание аэропорта осталось далеко позади. Смуглолицая красавица Елена, небрежно придерживая левой рукой руль, правой крутила регулятор магнитолы, настраиваясь на любимую музыкальную волну. Улыбаясь, она обратилась к подруге, сидящей рядом:

– Оля, как здорово, что ты все-таки выбралась на Новый год в Питер! У вас там в Финляндии наверняка так не веселятся, как у нас!

– С чего ты взяла, Лен? – На заднем сиденье вальяжно раскинулась третья подруга, Ася, розовощекая, с пухлыми губами и немного вздернутым носиком. – На Новый год все веселятся, а финны с их любовью к алкоголю и подавно! Им лишь бы повод найти.

– Ну, зря ты так, Асенька... Не все же финны пьяницы. – Оля обернулась к подруге и загадочно добавила: – Некоторые пьют только шампанское и исключительно по праздникам!

Ася вдруг встрепенулась и вскрикнула:

– Ленка, смотри, вон «мерс» чешет, прибавь газу!

Лена прибавила скорость и, лихо объезжая черный «мерседес», не удержавшись, помахала водителю рукой. Лысоватый водитель снисходительно улыбнулся девочкам и, не принимая их игру, продолжал ехать с прежней скоростью.

– Лихачишь, Ленка! – неодобрительно заметила Оля.

– Люблю скорость! А обгонять просто обожаю.

– На наших дорогах рискованно, особенно зимой. Никогда не знаешь, что под снегом – яма или лед.

– Да зимы в этом году в Питере еще и не было толком. Так, пару раз выпал снежок... Это в Москве третий день снегопад. Разверзлись хляби небесные! – вдруг высокопарно произнесла она, искоса взглянув на подруг, оценили ли они должным образом ее эрудицию.

Девушки переглянулись и захихикали.

– А что вы хихикаете? Представляете, в московских аэропортах половину самолетов не принимают – видимость нулевая. Так их то к нам, в Питер, отправляют, то в Нижний Новгород. Вот людям радость – летишь и не знаешь, где приземлишься. Кстати, сегодня ночью циклон переместился к нам. Видишь, сугробы на обочинах намело. Но тебе еще повезло. Буквально за два часа до твоего прилета снегопад прекратился...

Ася неожиданно вспомнила:

– Кстати, ты тут обмолвилась, что некоторые финны пьют только шампанское и то по праздникам. Это ты о ком?

Лукаво прищурив карие глаза, Лена в упор посмотрела на

Олю.

– Ой, девочки, это отдельная история, я вам потом расскажу. В более спокойной обстановке. Хочу живой к родителям добраться, – рассмеялась она. – А то Ленок и так забывает на дорогу смотреть. Я, конечно, помню классику, какой же русский не любит быстрой езды. Но быструю езду я предпочитаю по сухому асфальту, желательно европейского качества.

Оля мечтательно засмотрелась на мелькающие за окошком деревья, украшенные снежными кружевами и прихваченные морозом, и как-то притихла, погрузившись в приятные воспоминания. Легкая улыбка на ее лице заинтриговала Лену, но она решила не расспрашивать подругу ни о чем, резонно предположив, что та и так не удержится и похвастается перед подружками своей очередной победой. Поклонников у Оли всегда было предостаточно, и самолюбие девушек это частенько задевало. Они считали себя красавицами и умницами, но понимали, что Оля обладает какими-то недоступными им качествами, коль редкий мужчина мог пройти мимо, не взглянув на нее с нескрываемым интересом и не оглянувшись.

– Харизма у меня такая! – не обижалась на явную ревность подруг Оля, когда уж никак не удавалось им эту ревность скрыть от взгляда насмешливой и удачливой девушки.

Они познакомились на подготовительных курсах Петербургского университета, когда еще учились в десятом классе. Два года раз в неделю они приезжали на курсы, но и среди

недели выбирали время для встреч – всех троих объединяло желание поступить именно в престижный Петербургский университет, чтобы получить хорошее образование. Девушки обладали здоровой амбициозностью и планы на будущее строили самые радужные. Все трое были из вполне состоятельных семей, поэтому могли рассчитывать на родительскую поддержку и, как следствие этого, успешный старт своей грядущей карьеры. Но сразу после школьных выпускных экзаменов их пути разошлись.

Отец Ольги, Александр Дмитриевич Алехин, объявил приятно удивленной дочери, что золотая медаль за отличную учебу значительно расширяет ее возможности.

– Мы успешно реализовали свой совместный проект с финнами, и это принесло приличный доход. – Неулыбчивый и вечно занятой отец Оли непривычно ласково держал ее ладонь в своей широкой теплой руке. – Ты хорошо поработала в школе, дочка, на курсах преподаватели тоже высоко оценили твои знания, я интересовался. Через неделю я еду на совет директоров судостроительной компании в Хельсинки, так что собирайся, поедем вместе. На первых порах тебя будут опекать мои финские коллеги, пока не привыкнешь к новой жизни.

– Я что, у чужих людей буду жить? – спохватилась Оля и чуть не заплакала. Она была домашней, в меру балованной девочкой, ей даже у подружек никогда не доводилось ночевать. А тут какие-то папины коллеги, незнакомые люди...

– Ну что ты так испугалась? Жить ты будешь в студенческом городке, в общежитии. Я уже все выяснил. Найдешь новых подружек, английским ты владеешь прилично, так что преподавание на этом языке тебя напрягать не будет. Тебе там понравится, я уверен. А к моим коллегам можешь обращаться, если возникнут какие-нибудь трудности. Все-таки другая страна, иной менталитет. Чтобы гармонично вписаться в их жизнь, надо кое-что знать о традициях этой страны, иначе можно попасть впросак...

Мама, присутствовавшая на семейном совете, обняла Олю и, успокаивая, прижала к себе. Папа заключил их обеих в объятия и ласково добавил:

– Я так долго зарабатывал деньги... Теперь пора им на нас поработать. Образование – это хорошее вложение средств. Да и мир тебе пора посмотреть. Ты девочка разумная, самостоятельная. Ты многого добьешься, – уверенно добавил он, и Оля поняла, как отец гордится ею.

Полгода Оля жила в Финляндии. Новая жизнь захлестнула ее с головой, и она очень скоро поняла, как прав был отец. Эта жизнь ей действительно понравилась, она окунулась в водоворот студенческих будней – занятия, библиотека, подготовка к зачетам, которые проходили здесь каждый месяц. Поначалу Оля отчаивалась. Она постоянно боялась что-то не успеть или «не произвести впечатление». Этой фразой она привыкла определять свои успехи и неудачи. Хорошо выступив на семинаре, Оля себя мысленно одобряла: «Я произведе-

ла впечатление». Если у нее что-то не получалось, сокрушалась: «Я не произвела впечатление».

Но ее природный талант быстро схватывать все новое, ее усидчивость и упорство очень скоро принесли свои плоды. Преподаватели стали относиться к ней с уважением, а студенты негласно стали считать ее лидером курса.

Сумев организовать свое учебное время, Оля наконец-то вздохнула и, с не меньшим удовольствием, решила время от времени развлекаться. Она стала своим человеком на студенческих дискотеках, парни не сводили с нее глаз, но, почувствовав власть над мужчинами, Оля не спешила пользоваться своим обаянием, заведя какой-нибудь ничего не значащий для нее роман. Иногда она позволяла себе слегка увлечься каким-нибудь модным в студенческом кругу мальчишкой, но только потому, что это тешило ее самолюбие. Ей был интересен сам процесс завоевания, но, повстречавшись с очередным поклонником месяц или два, она мягко, чтобы не обидеть и не нажить себе врага, как-то умела незаметно отстраниться от своего обожателя. И повздыхав какое-то время, ребята оставались ее друзьями.

Оля не раз благодарила отца за то, что он определил ее учиться в американский университет «Webster». Ее отменный английский, которому в России она отдавала много времени, очень помогал и в общении, и в учебе.

Как-то, готовясь к семинару по политологии, она вычитала из серьезной статьи в одном журнале, что финны по-

прежнему настороженно относятся к русским, видя в них исторического врага. Автор описывал многочисленные проявления расизма в Финляндии. Когда она упомянула об этом на семинаре, многие сокурсники потребовали подтверждения. Как-то трудно было поверить, что вполне приветливые и культурные финны на треть состоят из расистов и не скрывают этого.

– Представьте себе, все иностранцы в Финляндии сталкиваются с проявлением расизма и дискриминации! – Ее звонкий голос не оставил равнодушным никого в аудитории, где почти все были иностранцами. – И каждому по крайней мере один раз отказывали в приеме на работу именно по причине происхождения, – заключила Оля.

Гул разочарованных голосов пронесся над студентами. Среди них было немало русских, эстонцев, арабов, немцев – и многие мечтали остаться здесь работать после окончания университета.

У Оли был свой план, который она давно вынашивала и держала в тайне даже от родителей. Получить диплом Вебстерского университета – это полдела. Она знала, что даже с таким дипломом достойную работу получить на Западе будет нелегко. А вот муж-финн в придачу сразу удваивал ее ставки.

Машина притормозила у подъезда старинного каменного дома, и девушки, весело переговариваясь, дружно начали

выгружать Олины вещи.

– Ну, Оля, ты даешь! – не уставала удивляться Ася. – На неделю приехала, а вещей набрала, как на зимовку.

Оля, снисходительно улыбаясь, вытолкнула из багажника огромный чемодан на колесиках. Ася достала второй, поменьше, тоже на колесиках. А Лена вытащила изящный женский дипломат из дорогой кожи и с некоторой завистью стала разглядывать какую-то непонятную металлическую монограмму.

«Оути Эрvasti» – прочитала она про себя и подумала, что это, наверное, название торговой марки фирмы, выпускающей такие элегантные портфели.

– Завидуете! – укоризненно заметила Оля, видя, с каким любопытством ее подруга изучает монограмму.

Ася несколько не обиделась:

– А зачем он тебе?

– Да так, – уклонилась от ответа Оля. – Документы всякие. Не сдавать же их в багаж.

На самом деле ей очень хотелось выглядеть по-настоящему деловой дамой, чтобы произвести на подруг впечатление, поэтому она и захватила с собой этот дипломат. «Ну что поделаешь, – думала она, – люблю пустить пыль в глаза... Как бы поизящнее выразиться? Люблю приукрасить свои достижения. Тем более что они действительно имеются». Так прощала она себе маленькую слабость – повыпендриваться перед подружками.

Пробираясь по неубранному снегу к подъезду, Оля со свойственной ей иронией объявила:

– Узнаю родной пейзаж! Дворники что, все на каникулах?

Подруги в недоумении переглянулись.

– Снега давно не видала, что ли?

– Можно сказать, и не видала. В Хельсинки его убирают. А может, и не убирают. Его на улицах просто не наблюдается. Я там и обувь могу неделю не чистить. Нет надобности.

– Забудь об этом, душа моя. Здесь ты ее будешь чистить после каждого выхода на улицу. Я обувную щетку постоянно с собой в сумочке ношу. Люблю, когда обувь блестит! – засмеялась Ася.

Дверь подъезда неожиданно распахнулась, и на пороге появился высокий, крепкого телосложения молодой мужчина. Ася вдруг низко нагнула голову и, чуть ли не приседая, спряталась за Лену.

Та не заметила суетливых движений подруги, вкатывая чемодан в подъезд. Рассеянный взгляд, которым вышедший окинул девушек, мгновенно прояснился, когда он остановил его на Оле. Придержав рукой дверь, мужчина, явно смущаясь, спросил:

– Вам помочь?

– Да хорошо бы! – пропела Оля, обрадовавшись неожиданному предложению. – Багаж у меня нехилый, а чемодан и вовсе явно меня перевешивает.

– Просто вы с ним в разной весовой категории, – украдкой

взглянув на изящную фигуру девушки, попытался неуклюже пошутить нечаянный помощник и легко подхватил чемодан.

– Благодарю вас, сударь! – улыбаясь, церемонно поблагодарила его Оля и остановилась у лифта, поджидая подруг.

Ася бочком проскользнула в подъезд, держа перед собой Олин дипломат как щит, словно заслоняясь им неведомо от кого. За ней зашла Лена, вкатывая чемодан и кокетливо поглядывая на незнакомца. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась.

Оля вызвала лифт. Молодой человек помялся и неловко раскланялся:

– Прошу прощения, вынужден вас покинуть, очень тороплюсь.

Легким движением открыл дверь и, придерживав рукой, бесшумно закрыл ее.

– Кто такой? – спросила Лена, когда они втаскивали вещи в лифт.

– Как «кто»? – изумилась Ася. – Это же наш математик. Хорошо, не узнал меня. Он меня никогда в шапке не видел.

– Что-то мне его лицо знакомо. Наверное, во дворе встречала. А что это ты от него пряталась? – Оля лукаво усмехнулась. – От меня ничего не скроешь! Влюбилась, что ли?

– Вот еще! – На лице Аси вспыхнул румянец. – Да я его терпеть не могу. Я ему зачет с третьего раза сдала. И то условно. Сказал, летом выгонит, если не вызубрю все! И зачем я только пошла на экономический факультет... Этот Ан-

дрей Борисович мне все нервы истрепал. И если бы я хоть дурой была, то смирилась бы, подумала: ну, дурой уродилась. Так ведь я вступительный по математике на «пять» сдала! А на сессии он меня прямо затерроризировал. И между прочим, не меня одну. У мальчишек все о'кей. Пришли, сдали, ушли! Кое-кто из девчонок тоже как-то быстро освободились. А вот меня, Таньку Ярцеву и Юльку Веденееву он прямо возненавидел. Танька у нас гордая и ответить может, когда нужно. Да и математику знает хорошо. А он какие-то заковыристые задачи дает, и где только их откапывает?! Танька ему как-то сказала, когда он ее в третий раз выгнал: «Уважаемый Андрей Борисович! Я к такому обращению не привыкла. У меня здоровая психика, не травмируйте ее». Так он чуть не лопнул от злости. Танька говорит – покраснел, как помидор, жилы на лбу повылезли, глаза прямо бешеные стали. Она думала, его удар хватит! А он зубы стиснул так, что даже скрежет стал слышен. Промычал что-то и на дверь показал. В общем, выгнал. Ужас какой-то...

Оля удивленно выслушала сбивчивый рассказ Аси и покачала головой:

– Не фига себе! Ну и нравы здесь! Что в школе, что в университете... Каждый учитель может наорать на тебя или за просто выгнать в шею. У нас в университете это было бы просто невысказано. Там преподаватели и студенты уважают друг друга. Учиться – одно удовольствие. Этика преподавания в корне отличается от нашей – а здесь преподы из кожи

вон лезут, чтобы унижить студента, поставить на место... Одним словом, показать, что ты ничто. У меня подруга учится в институте иностранных языков в Москве. Так она мне однажды написала по электронной почте вообще душераздирающую историю. Одна студентка на занятиях в обморок с испугу упала. Вот шуму было, на весь институт. После Катинного обморока этого преподавателя в ректорат приглашали, интересовались, почему его студенты на занятиях сознание теряют. Он, правда, провел беседу с девушками, объяснил, что вовсе не хотел их пугать, просто предмет свой очень любит, поэтому и требования высокие предъявляет. И Катя выздоровела, не померла, слава богу, от разрыва сердца...

Лифт поднялся до третьего этажа, и девочки подошли к двери Олиной квартиры. На отработанный годами звонок – два коротких и один длинный – дверь распахнулась, и мама, Валерия Антоновна, бросилась целовать и обнимать дочку.

– Ну, слава богу, приехала. А я волновалась, как долетишь, как потом на машине доедете... Папа сейчас на совещании, приедет часа через два. Моя машина уже неделю в ремонте. Обещали к Новому году вернуть, да не успели. Вот подружки твои молодцы, сами предложили встретить.

– Ну, мне за рулем сидеть – одно удовольствие, – вежливо ответила Лена. – К сожалению, не часто удается. Университет от дома недалеко, скорее пешком дойдешь, чем доедешь, – в пробках настоишься. А папа говорит, надо ездить побольше, машина не любит долго простаивать. Вредно это

для нее. Так что я пользуюсь любым случаем, чтобы ее «выгулять».

– Да, отец у тебя клевый! – с некоторой завистью протянула Ася. – Как поступила в университет, сразу машину подарил. А мой пообещал только после первого курса, если без троек закончу... Да с нашим математиком – хоть убейся, больше тройка не поставит. Говорит: «Не женского ума это дело – математика», – противным гнусавым голосом передразнила она своего преподавателя.

– Ну, девочки, у меня уже все на столе! – весело хлопотала Валерия Антоновна.

Девочки заторопились мыть руки, шутливо подталкивая друг друга и подтрунивая над Олей, которая не могла вспомнить, куда полгода назад спрятала свои тапочки. Тапочки нашлись, и когда все небольшой шумной компанией вышли в гостиную, не смогли сдержать восхищения.

– Какая восхитительная елка! До самого потолка! – выразила общий восторг Оля. – А пышная, просто красавица!

– Надо же! И игрушки необыкновенные! – подхватила Ася.

Валерия Антоновна наслаждалась произведенным эффектом.

– Это папины партнеры из Дрездена привезли. Он им как-то в шутку сказал, что у него дочка маленькая. Вот они и решили сделать ему такой подарок.

– Для маленькой дочки – большая елка. Пусть представ-

ляет себя в лесу. Только смотрите, чтоб она не заблудилась. Я сначала огорчилась, не люблю искусственные елки. А потом подумала – после настоящей полгода иголки выметай. А эта уж очень хороша.

И уже сидя за столом и угощая подружек любимыми Олиными салатиками, мама осторожно поинтересовалась:

– Дочка, а Новый год ты как решила встретить?

– Как всегда, всей семьей! – с набитым ртом ответила Оля. – Сначала на дискотеку пойдем, а к двенадцати вернусь домой. Я ведь без вас так соскучилась! – Оля нежно прижалась раскрасневшейся щекой к маминой руке, а та растроганно обняла ее:

– Доченька моя, совсем не изменилась, такая же ласковая...

После праздничного стола девочки отправились в Оле в комнату. Им не терпелось поскорее узнать, что нового произошло в ее жизни. А ей и самой хотелось похвастаться перед подружками. И было чем.

– Ой, девчонки, у меня сейчас все супер! – Зеленые ее глаза загорелись, а нежную матовую кожу покрыл румянец. – Сессию сдала на «отлично». Но грызла гранит науки день и ночь. Там усердие очень в цене. Меня теперь даже ректор знает. Гордостью университета называет. наших русских там много учится. Мальчишки тоже пашут, а девчонки, дуры, в основном по дискотекам шляются, романы крутят, мечтают богатенького жениха подцепить. Им учиться некогда. Бед-

ные родители платят, а детки их денежки по ветру пускают. Но я сразу решила: я сюда учиться приехала, свою жизнь сама хочу строить, а не ждать какого-нибудь упакованного хмыря, который то ли женится, то ли нет, время на него потратишь, а главное упустишь. Хорошее образование – это же капитал. А к хорошему образованию диплом с отличием – любая крутая фирма с руками оторвет. Правда, с мальчишками я тоже развлекалась, но в меру. А два месяца назад... – Оля загадочно замолчала, наслаждаясь нарастающим любопытством подруг, которое они и не старались скрыть.

– Что?! – выдохнули обе с горящими глазами.

– Я встретила Оути. Мужик – закачается! Когда мы изучали курс политологии, я увлеклась темой иммигрантов. Ну, интересно мне стало, почему в Финляндии самый низкий среди всех стран, входящих в Европейский союз, процент иностранцев – всего два процента. В библиотеке долго сидела, материал собрала и подготовила доклад. Выступая на семинаре, добавила от себя, что считаю закон об иностранцах слишком жестким для многонациональной страны. Ведь эти два процента представлены выходцами более чем из шестидесяти пяти стран. И еще меня поразило, что финны даже не скрывают свои расистские взгляды. Завела весь наш курс, у нас даже диспут возник. Наш препод тоже оживился, как-то после семинара пригласил в кабинет и предложил выступить на «Юлейсрадио». Договорились с редактором, приезжаю – встречает. Молодой, красивый, элегантный... А вы же

знаете, как я люблю ухоженных мужиков... Девчонки, я его как увидела – все, пропала. В общем, влюбилась. Он на меня тоже с интересом посматривает. Чувствую – нравлюсь. Ну, думаю, землю буду носом рыть, а его заплучу. Оставила ему текст статьи. Не успела до общежития добраться, он мне уже звонит. Говорит, прочитал, восхищен и так далее. Несколько раз я еще приезжала на студию, обсуждали что-то, сокращали, дополняли, одним словом – редактировали...

– Так у тебя возникла производственная любовь? – зачарованно протянула Ася.

– А то! Но я вела себя очень скромно. Была пай-девочкой. Он целовал мои руки, а я краснела, как майская роза. После моего выступления на студию посыпались письма от обиженных финнами иммигрантов. И мы вместе с Оути готовили ответы, а я с ними выступала по радио. Кстати, мне за это платили зарплату! Не бог вещь что, но на кое-какие шмотки хватило.

– Покажи немедленно, дай померять! – Подруги бросились помогать разбирать огромный Олин чемодан.

– Девочки, – охладила их нешуточный пыл Оля, – я же не сказала вам самое главное!

Девушки с трудом оторвались от чемодана и вопросительно уставились на подругу. Неужели эта красивая сказка имеет продолжение?

– Уже месяц как мы живем вместе. Оути меня обожает. Пьем мы только шампанское и только по праздникам. В день

моего первого выступления. В день первой недели знакомства, И на католическое Рождество. Оути лютеранин.

– А в день первого месяца знакомства?

– А в день второго? – в один голос спросили подруги.

– Не стали. Оути сказал, иначе сопьемся.

– А жениться вы не собираетесь? – Ася с любопытством смотрела Оле прямо в рот, сгорая от любопытства.

– Собираемся, но когда я закончу университет. Оути хочет жену, которая твердо стоит на ногах.

Он считает, что в обществе равных возможностей умная женщина не должна ни в чем уступать мужчине. Он мне так и сказал: «Я хочу гордиться не только твоей красотой. Гораздо приятнее осознавать, что мужчины будут почитать за честь общаться с тобой, ценя твой интеллект и профессионализм».

– А он у тебя не зануда? – осторожно поинтересовалась Ася, опасаясь неосторожным словом обидеть подругу.

– Да что вы, девочки, он веселый, жизнерадостный, остроумный. Одним словом – идеальный. Просто он сумел достойно оценить мой умственный потенциал, – без ложной скромности ответила Оля. – И мне это, честное слово, приятно. Я и так знаю, что красивая, а вот когда женщину ценят за ум – это уже высший пилотаж.

– Ну да, высший пилотаж для красивой женщины. А если она, боже упаси, страшненькая, вряд ли ее утешат мысли, что она умная. Я не знаю ни одной женщины, которая не хотела бы быть красивой.

– Вот еще одно подтверждение ограниченности наших женщин! – торжествующе воскликнула Оля. – Разве непонятно, что даже дурнушка, стоит ей открыть рот и увлечь мужчину интеллектуальным разговором, преобразается в его глазах. Знаете, что больше всего привлекает мужчину в женщине? Горящие глаза, а когда они не только красивые, но и умные, уверяю вас – мимо такой женщины не пройдет ни один мужчина. Конечно, если он и сам не дурак. Но мы и говорим только об умных мужчинах...

– А если ему по фигу – умная она или дурочка? Если он ценит в женщине только красоту? Тогда как? – вмешалась в разговор Лена.

– Тогда все про него ясно. Умному мужчине далеко не безразлично, с какой женщиной общаться. А дураку... На что нам дураки-то? – насмешливо спросила Оля. – Да нам любого умного охмурить ничего не стоит, достаточно только пальчиком поманить. Уж мы-то себе цену знаем!

Девушки понимали, что, рассуждая об умной и красивой женщине, Оля имела в виду прежде всего себя. Но, к счастью, они не страдали никакими комплексами и были в себе абсолютно уверены – природа их тоже не обделила ни умом, ни красотой.

Наконец Оля допустила-таки подруг к своему чемодану, содержимое которого показалось для них настоящим Клондайком – столько обновок, да к тому же явно из дорогих магазинов... Сразу видно, любимый мужчина не скупится, оде-

вая свою умницу и красавицу в такое великолепие...

– А ну, не вздыхать! – строго приказала девушкам Оля. – Я вам тут тоже кое-что припасла... – и взвизгнула, очутившись в крепких объятиях немедленно впавших в состояние эйфории подруг.

Утром следующего дня Оля с мамой собрались за покупками.

– Все основное я купила, Оленька, но овощи решила взять накануне Нового года на рынке. Тебе действительно хочется поехать со мной? Может, ты дома побудешь?

– Да нет, мамочка, я и так всего на недельку к вам приехала. Надо дорожить каждым днем!

Они стояли на лестничной площадке у лифта и слышали, как кабина, спускаясь откуда-то сверху, остановилась этажом выше, потом медленно поравнялась с их этажом. Дверь со скрежетом открылась, и Оля увидела своего вчерашнего помощника. Он смущенно улыбнулся им и, видя их нерешительность, скованно пригласил:

– Заходите, пожалуйста, места хватит всем...

– Здравствуйте! – мама приветливо кивнула ему. Оля тоже поздоровалась, отметив про себя, что он довольно симпатичный. Кого-то этот мужчина ей смутно напоминал. Еще вчера, когда он помогал ей вносить вещи, у нее возникло ощущение, что она его уже где-то видела, и не раз. Но она обычно плохо запоминала лица, и иногда, встретив кого-то

на улице, мучилась от того, что не могла вспомнить, откуда она знает этого человека. Но тут же вспомнила вчерашний душераздирающий рассказ Аси и решила, что та явно преувеличивала. Лицо вполне нормальное, и довольно трудно представить его в приступе гнева, с набрякшими жилами на лбу. Цвет лица обычный, несколько бледноватый, как у всех городских жителей, проводящих основное время в помещении. Заметив, что Оля украдкой его рассматривает, мужчина смущенно отвел взгляд и уставился на плакатик на стене лифта с красочным призывом «Берегите лифт». «Будто читает! – насмешливо подумала девушка. – Ну читай, читай, береги свой лифт».

На улице Оля села с мамой в папину машину, и пока мама вырубивала со стоянки, сосед уже исчез.

– Мам, а ты его знаешь?

– Конечно. Это наш сосед с четвертого этажа, Андрей Борисович. Он здесь уже третий год живет. Ты его никогда не видела? – удивилась Валерия Антоновна.

– Наверное, все-таки видела. Его лицо показалось мне знакомым. Но, видимо, мы с ним очень редко встречались и я не обращала на него внимания.

Да и некогда было. Я ведь в школу рано утром уезжала, потом на курсы ходила, в бассейн... Наверное, мы с ним по времени не совпадали. Ну да ладно, какое нам до него дело?

– Не скажи, Оленька, – возразила мама. – Андрей Борисович – человек известный. Он кандидат математических на-

ук, завкафедрой математики Петербургского университета. Автор книг, исследователь и вообще талантливый ученый. О нем даже статья была в «Огоньке». Правда, одинокий, бедолага. Переехал в наш дом после смерти мамы. Говорил, не мог оставаться в квартире, где все связано с тяжелыми воспоминаниями. Мама у него долго и мучительно умирала, в страшных страданиях. И все это у него на глазах.

Ее в больницу уже не брали. Намучился он с ней...

А так он человек тихий, я его даже ни разу с девушкой не видела. А ведь ему уже за тридцать, – задумчиво произнесла Валерия Антоновна. – Наверное, он очень стеснительный.

– Мам, мы себе получше найдем, правда? А то знаю я этих маменькиных сынков. Они так и ждут, что придет жена и все на себя взвалит. Борщ ему свари, полы вымой, рубашку погладь... А он книги будет сочинять да на студенток орать для разнообразия. Нам такие не нужны.

Валерия Антоновна опешила:

– А при чем тут «на студенток орать»? Почему ты вообще решила, что он орет?

– Ну, не орет, так собирался заорать, но зубы ему помешали, он скрежетал ими. Вот вся злость у него в скрежет и ушла. Да, еще он багровеет, как помидор, и глаза у него на лоб вылезают. Или это жилы вылезают? Ну да, жилы на лбу вылезают, а глаза бешеные становятся. До чего же он страшный! – содрогнулась Оля. И видя изумление на лице мамы, расхохоталась:

– Мамочка, не пугайся ты так, это не бред. Именно такое неизгладимое впечатление производит на своих студентов маменькин сынок Андрей Борисович. Мне вчера Аська доложила.

Мама долго смеялась, выслушав яркий рассказ Оли в лицах и с выражением. А потом осторожно спросила:

– А как насчет того, что «получше»? Он в перспективе или уже имеется?

– Имеется, да еще как имеется, мамуля. Дома поговорим. Уж я так постараюсь вам с папой рассказать, что вы его полюбите сразу и навеки. А пока, дорогая, смотри внимательнее на дорогу. Что здесь у вас всех за манера машину водить – смотрите абы куда, только не на дорогу!

– Ну, не абы куда, допустим, а на дочку родную, – не обиделась мама.

– Дома насмотришься, посадишь меня напротив и любишься себе пять дней подряд! – веселилась Оля, ласково поглаживая маму по руке.

Андрей Борисович зашел в деканат и, снимая тяжелую, подбитую мехом куртку, мысленно все еще переживал встречу с Олей.

«Какая красивая девушка, – думал тоскливо он. – Конечно, она на меня и внимания не обратит. Даже нечего мечтать... Хорошо, хоть вообще вспомнила, ведь могла со вчерашнего дня меня и забыть. Какие у нее изумительные гла-

за, такого необыкновенного зеленого цвета – я таких еще не встречал».

– Андрей Борисович, а вас Дмитрий Григорьевич приглашал, – прервал его мысли мелодичный голос секретарши Анны Федоровны, дамы весьма немолодой, но еще вполне привлекательной. Ее не портила даже вышедшая давным-давно из моды прическа – волосы, стянутые на затылке в узел, который она любила украшать неизбежным бантом: то черным, то голубым со стразами, в зависимости от цвета кофточек из ее небогатого гардероба.

Декан факультета Дмитрий Григорьевич сидел за выдавшим виды большим письменным столом. Рядом с телефоном перед ним лежала одна-единственная папка-скоросшиватель.

– Здравствуйте, коллега, – протянул он руку Андрею Борисовичу, не вставая из-за стола. – Вы уж извините старика, что-то ноги побаливают. Так что я их экономлю, – засмеялся он своей шутке. – А вы присаживайтесь. Разговор недолгий, но... не очень приятный.

Андрей Борисович удивленно поднял брови. Ровно три дня назад за этим же столом они вдвоем обсуждали тему его будущей диссертации. После защиты кандидатской Андрей Борисович за последние два года упорного труда написал монографию, которая вполне тянула на докторскую. Читал монографию пока только Дмитрий Григорьевич. Профессор очень одобрительно о ней отозвался и тут же рекомендовал

к изданию в издательстве «Наука».

Что же такого могло произойти за три дня, что потребовало немедленного обсуждения?

– Вы, коллега, гордость нашего университета, – начал издаleка Дмитрий Григорьевич. – И знаете, как высоко я ценю ваш талант и как ученого, и как преподавателя. Кафедру я вам доверил, не дожидаясь профессорского звания. Но вот тут, – он похлопал ладонью по серой папке, – такое неожиданное дело...

Он замялся, и было видно, что ему неприятно продолжать разговор.

– Ведь вы мне симпатичны, чисто по-человечески. И талантом вы обладаете несомненным... Одним словом, на вас жалуются.

– Кто? – искренне изумился Андрей Борисович.

– Ваши студентки... Накатали жалобу прямо перед Новым годом, паршивки. Поздравили, называется. Видимо, сильно вы им насолили. Или как теперь выражается молодежь – достали. Я поднимал зачетные ведомости – у всех стоит «зачет». Ну и радовались бы. Так нет...

– А взглянуть можно? – Лицо Андрея Борисовича неожиданно быстро покрылось красными пятнами.

– Конечно, – нехотя произнес Дмитрий Григорьевич. – Хотя я не рекомендую. Знаете ли, по принципу: меньше знаешь, лучше спишь.

Эти последние слова почему-то сильно подействовали на

Андрея Борисовича, и он сжал пальцы в кулаки. Дмитрий Григорьевич заметил его движение и совсем расстроился:

– Ну что вы, коллега, так реагируете? Наверное, обычные двоечники, но с амбициями. Может, они, вертихвостки, на ваше ухаживание рассчитывали – молодой, красивый, талантливый, да к тому же холостяк, – а вы их погоняли, и, думаю, – заслуженно. Женщины все-таки непредсказуемый народ. У них все на эмоциях. Сегодня глазки строят, завтра жалобу пишут... Хотя я заглянул в ведомость по вступительным экзаменам – у них там все в порядке. Прямо умницы-разумницы. Разленились, что ли? Или просто не тянут? Университет – не школа, программа посложнее.

Не всякий справится...

– Дмитрий Григорьевич, – наконец смог собраться с мыслями Андрей Борисович, – я предполагаю, кто автор этих жалоб. Эти студентки были действительно не подготовлены. Они и на семинарах дурака валяли, элементарные задачи решить не могли. И к зачету наплевательски отнеслись. Ленивые, хотя и неглупые. Но заметьте, я даже голос на них ни разу не повысил. Просто отправил подготовиться как следует.

– Не повысили, это верно, но послушайте, что пишет одна из них.

Профессор открыл папку, порылся среди листочков и процитировал: «Он смотрел на меня с угрозой». И еще: «... я очень испугалась». А вторая пишет... – Профессор опять

полистал жалобы: – «Он выставил меня за дверь, как нашкодившую первоклассницу, и этим унизил мое человеческое достоинство».

– Видите? – Профессор назидательно поднял указательный палец вверх. – Вы уж будьте с ними поосторожней. Молодежь нынче такая – им палец в рот не клади. Они на вас еще в Страсбургский суд по правам человека жалобу подадут. За унижение человеческого достоинства.

Андрей Борисович сидел, низко наклонив голову, и профессор не видел выражения его лица. Решив, что достаточно предостерег младшего коллегу, с явным облегчением закончил разговор:

– Ну, не переживайте так. На меня тоже кляузы писали. Помню, лет двадцать назад я отчислил одного студента, между прочим, с третьего курса. Так на меня родители ректору пожаловались. Дескать, я умышленно его на экзамене завалил, чтобы парня в армию забрали. А он за моей дочкой ухаживал, и они жениться надумали. А парень – обыкновенный разгильдяй. Так что я за дело его отчислил. За неуспеваемость. Отслужил в армии как миленький. Дочка, правда, на меня долго злилась. Но потом дурь из головы вышла, еще и спасибо сказала. Аспирантуру закончила. Теперь доцент в Институте радио и связи. Вся в работе, о мальчиках и думать забыла. А вышла бы замуж? Дети, пеленки, готовка... Кто же науку будет двигать? Ну, вы свободны, Андрей Борисович, не обижайтесь на старика. Я и так уж весь извелся,

разговор-то неловкий у нас... А все эти вертихвостки. Шли бы лучше на курсы кройки и шитья, а не на экономический факультет. Математика все-таки не женское дело...

Андрей Борисович молча встал, попрощался за руку со старшим коллегой и угрюмо вышел в коридор. Болела голова после бессонной ночи. А тут еще этот дурацкий разговор, который даже не хочется всерьез воспринимать. Надо было подниматься на третий этаж, где его ждали студенты в 306-й аудитории. Он опаздывал на назначенную консультацию уже на 15 минут.

А это противоречило его правилам и потому злило. Заглушая раздражение, Андрей Борисович зашагал по полупустому коридору к лестнице. Немногие преподаватели назначили в тот день предэкзаменационные консультации своим студентам. 31 декабря никого к усердию не располагало. Но для одинокого Андрея Борисовича преддверие Нового года было рядовым рабочим днем. В новогоднюю ночь его ждал холостяцкий ужин в одиночестве, который он собирался встретить бутылкой шампанского «Абрау-Дюрсо» и мясными нарезками из соседнего магазина. Неясные голоса проникали сквозь закрытые двери аудиторий. Под потолком кое-где висели гирлянды из еловых ветвей, да праздничная стенгазета ярким пятном выделялась на обшарпанной стене. В университете из-за отсутствия средств давненько не делали ремонт. Андрей Борисович открыл дверь аудитории. Веселые голоса студентов тут же умолкли, и все дружно встали, приветствуя

преподавателя.

Дверь с медленным скрипом приоткрылась, и, стуча когтями и шаркая костяным животом по грязному паркету, в комнату не спеша вползла черепаха.

– Какого черта? – Скрипучая дверь, как зубная боль, вывела из себя злого с похмелья Игоря Карагодина. – Что ты тут шляешься? Сидела бы себе под батареей на кухне. Так нет, приперлась! Зачем разбудила? И так башка трещит!

Черепаха по имени Поручик, нисколько не смущаясь холодным приемом хозяина, трюхала к заветному месту – под старое ободранное кресло, на котором валялась комом несвежая одежда Карагодина. Он полежал еще немного, припоминая, где провел вчерашний день. Сначала с Витьком Беляковым ходили к его мамаше – злобной старушечки, живущей в пятиэтажке на соседней улице. Только после шумного скандала под ее дверью она все-таки впустила их в запущенную, заставленную старой рухлядью квартиру. Игорь долго и старательно вытирал ноги об половик, бывший в незапамятные времена лиловой майкой Витька, заметив одобрителный взгляд хозяйки. Он давно понял нехитрую истину – чем старательнее вытираешь ноги у порога, тем благосклоннее становится любая, даже самая лютая хозяйка. А когда он вытащил из кармана потертой флотской шинели апельсин и, тщательно вытерев его об рукав, вручил старухе, она совсем подобрела и даже покормила друзей обе-

дом. Водки, правда, не дала. Сказала, что Витька еще неделю назад всю бутылку выхлестал. Врала, наверное. А может, и нет. Откуда у старухи-пенсионерки, к тому же непьющей, водка? Она скорее внуку морковку купит. Там хоть витамины. Для него-то Карагодин и припас апельсин. Жалел бледненького, худосочного мальчонку, который и слова-то сказать не мог, потому как был глухонемой от рождения. Витька Беляков иногда приходил к мамаше повидать сынка. И всегда это заканчивалось скандалом. Не мог Витька простить жене, что скрыла она от него страшную тайну: ее родители были глухонемые. Сама-то она была нормальная, даже симпатичная. Витька ее заметил на фабрике «Скороход», где работал грузчиком, пока за постоянные пьянки не выгнали. А Зойка, когда женихаться начал, ему о родителях ни слова не сказала. Мол, живут в Норильске, а она в общежитии при фабрике. Ну не ехать же в такую даль свататься. Да и тем накладно – простые работяги.

Витька привел молодую жену к матери, та обрадовалась. Думала, может, теперь он за ум возьмется, пить бросит, вечернюю школу закончит. Он вроде и вправду поначалу угомонился, очень Зойка ему нравилась. Худенькая, бледная, глаза большие, ресницы пушистые... Прямо Снегурочка. Родился ребеночек, Мишаней назвали. Жить бы да радоваться. Вот и радовались поначалу. Малыш не орал, как все дети, только тихое гугуканье из него выходило, даже когда слезы градом катились. Радовались, даже когда не заговорил до

двух лет. Витькины братья-сестры тоже все после двух лет слова произносить начали. А когда и в два с половиной сынок все еще гугукал, к фабричному врачу повели. Врач допрос учинил Зойке. Та в рев. Говорит:

«Я же все слышу, думала – и детки такие будут!» Врач только руками развел.

– Что же вы вовремя не поинтересовались? Вам бы любой фельдшер сказал, что глухонемота через поколение передается. Но убиваться так тоже не следует. Есть у нас в стране детские учреждения для таких детишек, их учат с губ читать. И профессии обучают. Хотите, посодействую.

Но Витька прямо как сбесился. Все твердил Карагодину, что его Снегурочка ему порченого ребеночка подсунула. Запил страшно, тут уж мать с Зойкой не выдержали и в шею его выгнали, стал он жить у дружка-истопника в бойлерной. К матери только мыться ходил. Хотел у Карагодина притулиться, но тот не разрешил:

– У меня бабы бывают. Без всякого расписания. Приведу, а тут ты чалишься. Мешать будешь.

– Ну, Игоряша, будь человеком, я же уходить буду, погуляю, сколько нужно.

– Сдурел, что ли? Как я с бабой буду утешаться, зная, что ты там мерзнешь, как цуцик? Меня ж совесть заест. Живи, где приютили, и не ной. Чай, не бомжуешь. Чем тебе там плохо? Тепло, сверху не каплет...

– Так пьет он, Санька, без просыху. Ночью чифирь варит,

газ забывает выключить... Боюсь, угорим.

– Что, больше тебя пьет? – с иронией спросил Игорь.

– Да ты че?! Да не сравнивать! Я же почти всегда тверезый, а он почти всегда пьяный в дребадан.

Лежа в теплой постели, Карагодин вспомнил Витькину историю и загоревал. Мальчонку жалко. Как отец приходит, Мишаня к нему стремглав несется – мычит, что-то пытается сказать, а не получается. Витька сначала вроде и рад сынку, а понять его не может и злится. И на Зойку орет: «Ты что мне сына изуродовала?!» Слезы, скандал, мрак... Вчера они Мишаню не видели. Зойка его в цирк повела. Ей в собесе бесплатные билеты дали. Мишане иногда что-то перепадало как инвалиду детства. Так что обошлось без скандала, тихо ушли они от мамы и пошли напрямиком в ЖЭК, там Витьке зарплату выдали, дворницкую. А к ней и премию квартальную. Он даже в пьяном виде лучше всех дворы убирает. Все бумажки складывает в один мешок – на макулатуру, бутылки в другой – стеклотара. Накопит и сдает – приварок нехилый получается.

Потом они посидели на бульваре, покурили, на баб поглазели. Правда, их сейчас особо и не рассмотришь. Все как куклы закутанные. Одни подороже, другие попроще. На тех, что подороже, и смотреть нечего, расстраиваться только, там не обломится. Да и те, что попроще, тоже бывают с подковыркой, гонористые. Витьке бабы по фигу, он только советы дает Карагодину. Вроде группы поддержки. А у Игоря

один, но большой плюс. Шинель на нем морская с лычками, и бескозырка ловко сидит на круглой большой голове. Он ее всегда чистит, ленточки проглаживает, чтоб надпись золотыми буквами «Балтийский флот» сразу в глаза бросалась. В темноте под фонарями особенно видно. Правда, моряков в Питере пруд пруди, но и одиноких женщин тоже немало. На всех моряков не хватает. Вот тут-то и Игорь Карагодин может сгодиться. Шинель хоть и потертая, но всегда чистая и пуговицы надраены, сияют чистым золотом. Шарфик белый через день стирает. Старая морская привычка. И как бы башка с утра ни раскалывалась, всегда он морду свою бреет и одеколоном протирает. И любят бабы за это Карагодина. Подтянутый, грудь колесом, лицо румяное, уши на морозе красные. Так и хочется их женским ручкам растереть, чтоб согрелись, бедные.

Но вчера с бабами не повезло. Как сказал Витька – непруха нынче, брат. Все как сдурели – носятся со своими сумками туда-сюда, продуктами запасаются к Новому году. Будто только раз в год едят досыта. Одну пытался склеить, вторую – все посылают, да куда подальше. Разочаровался в них Игорь и с горя с Витькой в кабак завалился. Выпили, пожаловались друг другу на тяжелую жизнь, мимоходом сцепились с какими-то студентами, их оттуда и поперли верзилы охранники. Пришли в другой, там выпили, кому-то в ухо дали, их и оттуда турнули. Да еще с шумом-скандалом. Опозорили перед молодняком, все настроение испортили. Но Витька

под шумок успел стянуть с чьего-то столика початую бутылку водки, и ее они допивали уже на бульваре. Витькины деньги сэкономили – столько горбатился, не за раз же спустать... Домой идти не хотелось, на улице красота – гирлянды, елки в огнях да в игрушках, дорогие магазины сияют сказочными витринами. То олень скачет, совсем как взаправдашний, а на нем верхом Дед Мороз с мешком на заливке. А подарков там – аж вываливаются. То Снегурка в шубке нараспашку... А на ней бельишко сказочное. Что-то его бабы такого бельишка ему не показывали. Наверное, и нет его на белом свете. Только в витрине богатого магазина...

Затосковал Игорь Карагодин, лежа в своей теплой постели и глядя в серый, в мелких трещинах потолок, потому что вспомнил, как замерзли они с Витькой на бульваре, уныло созерцая праздник чужой жизни.

И побрели по домам греться. И остался Игорь без женской любви и ласки. И если и есть кого обнять и к сердцу, жаждущему нежности, прижать, так это костяную черепаху Поручика. Если бы хоть кошка была теплая, пушистая, а то черепаха. Какая от нее радость? Разве что жрет редко. Никогда не просит, не мяучит, за штаны не хватает, потому Карагодин и держит ее. Может, она ела бы и чаще, но раз не просит, зачем ее баловать? Семь лет живет у него и не подыхает, значит, нравится ей такая жизнь. Иногда забьется куда-нибудь в угол, Игорь о ней даже забывает. И когда она неожиданно появляется, целеустремленно перебирая чешуйчатыми, как

у доисторического ящера лапами, направляясь к любимому креслу, Игорь удивленно восклицает: «О, Поручик, ты еще не сдох?»

Вспомнив события минувшего дня, Карагодин встал с дивана на синее махровое полотенце, служившее ему ковриком, достал из-под кресла Поручика и прохрипел таким голосом, будто всю ночь на ветру команды отдавал:

– Пошли, бедолага, я тебе капусты дам!

Черепаша зашевелила всеми лапами сразу – не любила, когда ее на весу кверху брюхом носили. Боялась, наверное, что хозяин спяну шваркнет ее об пол. Но хозяин ее любил и не ронял еще ни разу. Это Витька ее почему-то ужасно боялся и, когда нужно было перенести ее с одного места на другое, подпихивал под нее мусорный совок и так и тащил в нем на вытянутой руке подальше от себя, приговаривая:

– Я ее, Игоряша, не боюсь, ты не думай, просто она мне отвратительна своими когтями. Ты бы их стриг иногда, что ли, а то смотреть тошно.

– Ты на свои когти посмотри, – отвечал Карагодин. – Сам небось по полгода не стрижешь.

Витька никогда не обижался на Игоря.

– Да кто ж их видит, мои когти? Я их стригу, только когда ботинки становятся тесными... А так – нехай себе растут, раз их природа создала.

Карагодин, опустив Поручика на пол и бросив ему несколько листов капусты, взглянул на кресло с кучей одеж-

ды. Сам себя укорил: непорядок! Надо все вычистить и выгладить. Вечером, может, романтическое знакомство предстоит. Хорошо бы и полы вымыть, что-то ноги стали липнуть к паркету. Продумал программу-минимум на грядущий день и пошел умываться.

Предпраздничная суэта в семье Алехиных набирала обороты. Александр Дмитриевич с утра успел пропылесосить всю квартиру и сидел в кабинете за компьютером, предоставив женщинам полную свободу действий на кухне. Вкусно пахло дрожжевым тестом.

В холодильнике в разных посудах дожидались своего часа салаты. Курицу Валерия Антоновна собиралась готовить вечером. А тем временем Оля перебирала наряды, аккуратно висящие в шкафу, и советовалась с мамой, какие украшения подобрать к тому нежно-зеленому платьицу, на котором она все-таки остановила свой выбор. Накануне вечером в тесном семейном кругу Оля рассказала родителям о почти что муже Оути, и поскольку она говорила очень живо, прилагая фотографии Оути в разных интерьерах и ракурсах, родители уже успели полюбить его, как Оля и надеялась. Возможно, и не навеки, но во всяком случае то, что они увидели и услышали о нем, им понравилось. Папа очень одобрил решение Оути пожениться после окончания университета.

– Правильно, дочка, прежде всего законченное высшее образование и самостоятельность. Пусть муж гордится обра-

зованной женой. Он тогда сможет тебе помочь в карьере.

Валерия Антоновна несколько сомневалась в правильности такого решения. И, как всякая мать, боялась, что дочь упустит выгодного жениха. Уж слишком долго ждать этой свадьбы – целых четыре года! За это время мало ли что может случиться.

– Мамочка, ты не удивляйся, на Западе все женятся поздно, – заметив тень сомнения на лице мамы, постаралась его развеять заботливая дочь. – Там по десять лет встречаются, пока до свадьбы дело дойдет. Я смотрела телепередачу из Италии – конкурс на лучшую пару. Приз – свадьба на сто человек за счет телекомпании. Так все они встречались по семь – десять лет! Успели получить образование, стать на ноги, заработать деньги на самостоятельную жизнь и только после этого решились на официальный брак. Если только не надоели друг другу за эти годы. Заодно и чувства проверили.

Так что все складывалось наилучшим образом – считали Олины родители, радуясь тому, как быстро повзрослела их дочь. А тем временем Оути звонил Оле каждый вечер и заранее выучил русское слово «здравствуйте» на тот случай, если к телефону подойдет кто-нибудь из Олиных родителей.

Оля договорилась встретиться с подружками в студенческом клубе университета. Намечалась грандиозная дискотека, куда были приглашены курсанты Военно-морского училища и Полиграфического института. Оля хотела повеселиться с подружками и вернуться домой после одиннадца-

ти часов ночи, чтобы вместе с родителями встретить Новый год. И Лена вызвалась подвезти Олю к дому, чтобы той не возвращаться одной.

– Ну почему же обязательно одной? – игриво возразила Оля, услышав предложение Лены.

– Олечка, как тебе не стыдно? – делая страшные глаза, укорила дочку мама, случайно услышав легкомысленную фразу. – Ты теперь невеста, не шали, дорогая!

– «Но я другому отдана и буду век ему верна!» – процитировала Оля, веселясь той серьезности, с которой мама отреагировала на ее шутку.

Дискотека удалась на славу. Подруги плясали от души и наслаждались успехом, которым пользовались у ребят. А отбоя от приглашающих не было.

– Потому что мы самые красивые! – пыталась перекрыть громкую музыку Ася. Разноцветные огни прожекторов скользили по затемненному залу, создавая чарующую атмосферу праздника. Время от времени под радостные крики молодежи слышался звон стаканов. В буфете продавали только соки, но студенты втихаря притащили шампанское, а кое-кто и водку, и под оживленные возгласы и смех проводжали Старый год. На Лену явно положил глаз высокий, грузинского вида курсант. Морская форма ладно сидела на его спортивной фигуре, подчеркивая широкую грудь и тонкую талию. Время от времени он увлекал Лену в угол зала, куда не достигал свет прожекторов, и они там самозабвенно цело-

вались, все больше возбуждаясь от всеобщего веселья, выпитого шампанского и вспыхнувшей страсти. В конце концов Оля потеряла Лену из виду. Асина белокурая головка возникала то в одном конце зала, то в другом – танцующая толпа уносила ее с кавалером все дальше от подруги. Последний Олин кавалер уж слишком по-свойски стал прижимать ее к своей груди. Оля раздраженно попыталась вырваться из его объятий. Но парень, перебрав лишнего, все назойливее шарил влажными руками по ее спине. Олю передернуло от отвращения:

– Слушай, мальчик, не слишком ли много ты себе позволяешь?

Гневный тон Оли обескуражил парня, тем не менее он и не собирался ослаблять свои объятия.

– Ты чего, детка, напрягаешься? Расслабься, сегодня же Новый год! Праздник!

– Да отстань ты от меня! – Оля изловчилась и резко оттолкнула разжавшего от неожиданности руки назойливого ухажера. Тот не смог устоять на ногах и повалился прямо на танцующую рядом пару. Послышались возмущенные голоса, но Оля не стала дожидаться, чем закончится разборка, и стала протискиваться к выходу, разыскивая взглядом Лену. А подруга как сквозь землю провалилась.

Оле порядком надоел шум, слишком громкая музыка, визгливый смех девчонок, наглые, как ей стало казаться, взгляды ребят. Хотя, не будь она так раздражена, их взгляды

восприняла бы как обыкновенное любопытство завсегдаеаев дискотеки, впервые увидевших среди привычных лиц новую и весьма привлекательную девушку.

Оля набросила шубку и вышла на улицу. Взглянула на часы – без четверти одиннадцать. На крыльце курили разгоряченные танцами и спиртным парни и, увидев красивую высокую блондинку, стали наперебой предлагать ей свои услуги по сопровождению до дома. Но она, чтобы отшить всех разом, сердито бросила:

– Меня машина ждет! – и почти выбежала на дорогу, увидев приближающееся такси.

– На Литейный, пожалуйста! – запыхавшись, попросила она и плюхнулась на сиденье рядом с водителем.

Немолодой водитель с уставшим невеселым лицом уточнил:

– Куда именно?

– А я вам потом покажу! – Девушка постепенно отдышалась и постаралась забыть неприятный инцидент, представляя, как сейчас радостно ее встретят родители, как они рассядутся вокруг большого круглого стола, который достался семье Алехиных от бабушки. Под звон курантов папа откроет бутылку шампанского и нальет всем в бокалы шипящий напиток, а потом они станут поздравлять друг друга... Скорее бы домой, в теплую уютную комнату, к любящим родителям...

– А что же вы одна? – неожиданно спросил водитель, бро-

сив быстрый взгляд на красивую попутчицу, не допуская, видимо, мысли, что столь привлекательная девушка может оказаться вдруг в одиночестве в новогоднюю ночь.

– А мне все надоели, вот я от них и сбежала, – улыбнулась Оля. – Теперь к родителям спешу. Привыкла, знаете ли, Новый год только дома встречать.

– И правильно! – пробурчал водитель. – А то молодежь повадилась на Новый год гулять где ни попадя, в своей компании. Будто в другое время нельзя собраться. Уж раз в году могли бы и с родителями посидеть.

А им, видите ли, скучно с нами, – пожаловался он. – Вот мои тоже разбежались. А жена обиделась и говорит: «Раз так, я спать лягу пораньше». Я-то хотел заскочить на полчаса, хоть шампанского вместе выпить, коль смена мне нынче выпала. А она надулась на всех... Я-то тут при чем? – обратился он к Оле, как будто ждал от нее важного совета.

– Так езжайте домой! – пожала плечами Оля и посмотрела на часы. – Времени полно. Как раз успеете, да и жену порадуете. Вам далеко ехать?

– Да нет, я на углу Кировой живу, на пересечении с Литейным проспектом.

– Вот и замечательно, совсем рядом со мной.

Водитель улыбнулся, и машина весело покатила по оживленному проспекту.

У поворота на Кировую Оля вышла из машины и быст-

рым шагом направилась домой.

– С Новым годом! – крикнул ей вслед водитель, радуясь, что с легкой руки этой милой попутчицы так просто разрешилась его проблема.

Падал мягкий снег, искрясь в голубом свете фонарей ослепительными звездочками. Оля залюбовалась снежинками, а они медленно садились на ее лицо и тут же таяли, слегка щекоча. Она улыbnулась – какое счастье приехать домой! Хотя за эти три дня она успела соскучиться по Оути и мысленно написала ему уже не одно письмо. И по вечерам, когда он звонил, она захлеб рассказывала ему обо всех мелочах, боясь что-нибудь упустить. Для Оути в ее жизни все было важным – даже то, с кем из подруг она успела повидаться, какую книгу читала перед сном сегодня вечером, какая программа по телевидению ей понравилась... «Я люблю тебя, Оути», – прошептала она, представляя, что он в этот миг слышит ее слова. По улице пробегали запоздавшие прохожие, почти все несли в руках какие-то пакеты, торты, во всех окнах горел свет. Оля завернула в арку своего двора.

Андрей Борисович решил накрыть стол по всем правилам, как это делала его мама, когда еще была здоровой. Он застелил стол белой скатертью с кружевными уголками, ее особенно любила мама и доставала только по большим праздникам. Поставил бутылку шампанского и фужер. Подумал и решил поставить второй, чтоб стол выглядел не так сиротли-

во. Разложил на тарелке мясную нарезку, сыр, открыл баночку консервированного горошка и для придания ему праздничного вида выложил на тарелку аккуратной горкой. Нарезал белый хлеб, купленный по дороге из университета во французской булочной, и намазал маслом, положив сверху густой слой красной икры. Удовлетворенно окинул взглядом непривычно красивый стол и иронично подумал: «Мой ужин скудным не назовешь. Вполне праздничный, и сервировка богатая, мама одобрила бы. Хрустальные фужеры, тарелки веджвудского фарфора – привез из Англии еще при маме. Как она тогда гордилась его успешным выступлением на Международном конгрессе математиков! Он привез ей сборник тезисов докладов конгресса, и она, вычитав его фамилию на английском языке, даже просияла: „Сынок, ты вышел на международный уровень! Я так горжусь тобой!“

Прервав воспоминания, Андрей включил телевизор и скупающе, вполглаза смотрел на мелькающие оживленные лица, призывающие дружно радоваться наступающему Новому году. Прикрыл устало веки, и вдруг перед его глазами возникло лицо Оли. Да так явственно, что он даже вздрогнул от неожиданности. Необъяснимое волнение охватило его, и он почувствовал, как кровь прилила к его лицу, нежность сладкими волнами наполнила все его естество...

«Что со мной? – испуганно спросил он себя. – Со мной такого еще не было. Что это? Я хочу ее обнять, прижать к груди ее прелестную головку, запустить пальцы в ее чудес-

ные волосы, касаясь ее нежной изящной шейки... Где ты?» – прошептал он и прислушался, как-будто ожидал ответа...

Он был влюблен в Олю уже три года – с тех пор как переехал в этот старинный шестиэтажный дом.

В первый же день, выходя из подъезда, увидел, как из темно-синего «оппеля» вышла высокая худенькая девушка, почти подросток. Она помогала родителям разгружать пакеты с продуктами, шутливо с ними переговариваясь. Он залюбовался ее спортивной фигурой, длинными загорелыми ногами. Когда она выпрямилась, держа в каждой руке по пакету, он смущенно отвел взгляд и поспешил к арке, стараясь не оглядываться. «Еще подумает, что я подсматриваю!» – рассердился он на себя. Чем она его тогда зацепила? К тому времени он уже четыре года преподавал в университете.

И ежедневно, читая лекции, видел устремленные на себя взгляды не одного десятка красавиц студенток. Девушки посмелее кокетничали с ним, забавляясь его скованностью и серьезностью. Многие считали Андрея Каледина угрюмым и нелюдимым, хотя и признавали, что его украшают красивые серые глаза, а улыбка, крайне редко возникающая на лице, просто преображает его. Но Андрей стеснялся своего большого тела, спортом он никогда не занимался, и ему казалось, что его неуклюжая фигура не может привлекать девушек. А если и замечал иногда чей-то заинтересованный взгляд, приходил в полное замешательство и в такой момент просто ненавидел себя за робость, не зная, куда девать гла-

за. Давно смирившись с тем, что ему никогда не преодолеть своего непонятного страха перед девушками, он, между тем, был вполне счастлив. Его природные математические способности, на которые первой обратила внимание школьная учительница математики Елена Александровна, требовали постоянного умственного напряжения. Учительница как-то пригласила в школу его маму и настоятельно посоветовала записать Андрея на математический факультатив. Затем, когда он «перерос» его и начал занимать призовые места на общегородских математических олимпиадах, убедила Андрея поступить в специализированную математическую школу, где с юными талантливыми математиками занимались преподаватели Петербургского университета. Андрей не просто любил математику, а боготворил ее.

В детстве его завораживали цифры, и каждый раз, одолев сложную задачу, он испытывал состояние эйфории. В юности его однокурсники торжествовали, покорив сердце какой-нибудь неприступной красавицы. А он ликовал, решив трудоемкую вычислительную задачу. Потом увлечение математическим анализом привело его на кафедру математики в университет, где он вполне успешно совмещал педагогическую и научную деятельность. В двадцать пять лет он уже был кандидатом наук и снискал уважение старших коллег-математиков своим нестандартным мышлением и завидным упорством. Ему прочили большое будущее.

Мама обожала своего Андрея. Рано потеряв мужа, ко-

торый умер во время банальной операции аппендицита, не проснувшись после анестезии, она всю свою любовь и заботу устремила на единственного сына. Гордилась его успехами и ограждала от любых житейских трудностей. Если какая-нибудь девушка звонила ему по телефону, мама никогда не подзывала его, считая, что тратить время на девушек – непозволительная роскошь. Нужно пестовать и взращивать его талант, а для этого главное – чтоб ему никто не мешал.

Друзей у него не было, ведь и на друзей требовалось время, а оно, как усвоил Андрей, дорого. Нужно столько успеть! Так они и жили вдвоем – тихо, никого не впуская в свой мир, им вполне хватало общества друг друга. Каждый вечер Андрей заходил в комнату мамы, это был ее час. Он рассказывал ей, как продвигается работа, о планах на будущее. Она ему о прочитанных книгах. Все свободное от домашних хлопот время она сидела в уютном зеленом кресле и читала. У них была большая домашняя библиотека, но она записалась еще в две городских и зачитывалась допоздна, переселяясь в мир, созданный писателями.

– Ну что, почетная читательница, чью судьбу мы переживаем нынче? – с ласковой насмешкой вопрошал сын, заходя по вечерам в ее комнату. Мама тут же откладывала книгу, и начиналась неторопливая беседа обо всем на свете...

Андрей вспоминал это счастливое время с неизбывной тоской. «Мамочка, мамочка, почему ты ушла? Как же мне плохо одному, как одиноко и страшно...»

Первое время, когда она заболела, он был просто в отчаянии. Любая бытовая мелочь приводила его в полное уныние. Долгие годы он жил, охраняемый мамой от житейских проблем, не имея элементарного понятия, как заполнять квитанцию на оплату квартиры, приготовить яичницу или сварить кофе. Походы по магазинам за продуктами он приравнивал к вылазке в стан врага в военное время. Его мучительные размышления у прилавка, что же купить, приводили продавцов в тихую ярость, а стоящие за ним покупатели раздраженно роптали и комментировали его странное поведение. Тогда он впадал в полный ступор и продавцы, наконец сжалившись, брали инициативу в свои руки:

– Чай нужен? А сахар? А гречка? Может, яйца, сыр?

Он брал все подряд, что предлагалось, радуясь, что кто-то решает за него эту невозможную проблему.

Кое-как он научился и яичницу приготовить (она у него даже перестала подгорать и скукоживаться, как сухой осенний лист), и макароны сварить, чтобы они не хрустели на зубах, но и не расплзались в месиво. Мама болела тяжело и долго. Днем, когда он уезжал на лекции, с ней оставалась соседка, татарка тетя Феня. Живенькая, сухонькая, она мыла полы и следила, чтобы его мама вовремя принимала лекарства. Но тетя Феня приходила не часто, у нее была своя семья, и взрослые дети неохотно отпускали мать, считая, что она за свою жизнь уже наработалась и вполне заслужила отдых.

Мама Андрея тихо лежала на разобранном диване и кротко наблюдала своими выцветшими голубыми глазами за ловкими движениями Фени. Когда возвращался с работы Андрей и Феня уходила, мама молча плакала, следя за неловкими движениями сына, понимая, как ему трудно. Она ругала себя за то, что ничему не научила сына, не подготовила к трудностям быта, как будто собиралась жить вечно. А он, стараясь успеть побольше, хватался сразу за все. Гладил рубашку и вдруг, оставив утюг на воротничке, бежал на кухню снимать что-то подгорающее, затем спешил в ванную, потому что вода лилась уже через край. Чтобы не затопить соседей снизу, бросал в лужу все, что под руку попадалось – и полотенца, и халат, как-то в панике сорвал с вешалки пальто... «Горе ты мое! – горестно думала мама. – И как ты будешь без меня жить?»

Но Андрей, похоже, тоже считал, что мама будет жить вечно. Он стойко переносил все трудности, не допуская мысли, что ее скоро не станет...

Когда мама умерла, все заботы о похоронах взяли на себя те же соседи, Аня и Наир, дети тети Фени. Андрей три дня лежал на своем диване, отвернувшись к стене. Кто-то приходил, уходил, двери не запирались. В день похорон Аня и Наир подняли его, заставили умыться, одеться и повезли в морг. Что было дальше, он никогда не вспоминал. Он запретил себе вспоминать чужое, застывшее лицо мамы, ее седенькие волосы, убранные за уши, – она никогда не носила

такой прически. Это была не она, ему удалось себя в этом убедить. Это была чужая старушка в белой кружевной шали на голове. Мама ведь шаль никогда не носила. У чужой старушки на лбу лежала бумажная полоска с молитвой. «Нет, это не мама, – окончательно уверился он, – мама никогда в церковь не ходила».

Мусульмане Аня и Наир решили похоронить русскую соседку по православному обычаю. Им как-то не приходило в голову, что можно жить и умереть без веры. Когда Андрея привезли с кладбища домой, он понял, что находиться в этой квартире больше не сможет. Соседи нашли ему риэлтора, и месяц, одержимый желанием поскорее переехать, он собирал в ящики книги, Аня и Наир помогали упаковывать посуду и одежду, они же помогали перевозить вещи в новую квартиру. А он в благодарность оставил им всю мебель из маминой комнаты, взяв себе только ее любимое кресло. И по вечерам, сидя с книгой в руках, он мысленно продолжал нескончаемые беседы с мамой, создавая иллюзию, что она всегда рядом.

Игорь Карагодин бесцельно шатался по улицам, потому как потерял своего дружка Витьку. Как доложил Игорю истопник Санька, тот куда-то намылился еще с утра. Разговор шел в бойлерной, где всепобеждающий запах перегара был такой мощности, что даже Игорь, большой любитель спиртного, поморщился.

– Ну, браток, тебе и пить не надо. От одного духа забалдеешь, – обратился он к Санькиной роже – опухшей, но, как ни странно, гладко выбритой.

– Ты даешь, капитан! – удивился тот. – Запах вчерашний. А сегодня я еще и в рот не брал. – Он взглянул на часы Игоря. – Вот время летит: уже пять, а у меня ни в одном глазу!

– Чего так? – в свою очередь удивился Карагодин.

– На вечер берегу. Седни ведь Новый год. Надо продержаться до вечера, а то никакой радости, сплошные будни. Утром пить, днем пить, вечером пить – так каждый день. А один раз вечером – это уже праздник, – выразил свою нехитрую мысль Санька. И нырнул опять в глубину своей берлоги, даже не потрудившись закрыть дверь.

Витьку Игорь так и не нашел. Время шло, а романтическое знакомство никак не получалось. Бабы совсем обнаглели. «Так недолго и квалификацию потерять», – тоскливо подумал Игорь, когда очередная финтифлюшка смерила его наглым взглядом.

– Пошел ты, дядя! – коротко ответила юная мерзавка и пошла прочь, вертя задом, на котором джинсы аж трещали, с трудом справляясь со своей задачей – удержать это сокровище и не расплзтись по швам. Игорь мрачно побрел домой, размышляя, что же в нем не так, если уже второй день его отвергают, как какого-то последнего уroda. Вспомнил, что забыл поменять носки. «У них же, паразиток, нюх, как у собак. Учужали, наверное. Даже через ботинки!» – раздраженно

подумал он.

Дома он совсем закопался. Сначала вспомнил, что хотел помыть полы. Вылил полведра на облезлый паркет, погонял шваброй воду, как на флоте учили, отжал тряпку, протер насухо. И залюбовался своей работой. Потом застелил чистую постель. Пошел мыть ноги, но по дороге подумал, что не грех и помыться раз в год.

И тут же заржал над своей шуткой. Год как раз кончается. Тут есть над чем призадуматься: он сейчас помоеется в счет прошлого года или будущего? Задача оказалась совсем непосильной, так что Игорь, особо не ломая голову, решил, что его не убудет, если он постоит под душем минут пятнадцать. После тщательного мытья доел вчерашний гороховый суп, выпил хорошенько, и настроение сразу поднялось. Градусов на сорок. В благодушном настроении Карагодин уселся в кресло и включил телевизор. Прочувствованно выслушал поздравление какого-то адмирала и вдруг спохватился – часы показывали десятый час. Ну не дурак ли? Убирался, готовился, а время подцепить какую-нибудь деваху почти упустил. А вдруг их всех разобрали?! Карагодин в панике мгновенно оделся и выскочил на улицу. Людей было еще полно, и он постепенно успокоился. Теперь он был в себе совершенно уверен. Чисто выбритое лицо сияло, как медный таз. Бескозырку он лихо надвинул на левую бровь. Выглаженные ленточки змейками трепетали на ветру. Тщательно начищенные ботинки блестели. А в ботинках – чистые ноги с аккуратно

стриженными ногтями, в новых носках, купленных по случаю праздника в подземном переходе пару дней назад. И настроение было праздничное, приподнятое. Вот только девки поодиночке что-то не попадались. То с мужиками под ручку, то веселой компанией проносились мимо, дразня ароматом чужеземных духов и зазывным смехом, не ему, впрочем, предназначенным. Он побродил с часок и совсем пал духом. Перспектива встретить Новый год в одиночестве его совсем не радовала. К тому же он промерз – лицо прямо свело от холода. «Нечего было форсить в бескозырке, – уныло думал он. – Надел бы шапку – уши б не замерзли. Все равно бабы без понятия – не ценят моей красоты». Забрел в какой-то двор, приспичило от холода. Потом достал из кармана початую бутылку водки для сугреву, приложился основательно, и когда уже собирался опять вырлиться на улицу, вдруг замер от радости – в арке появилось небесное создание в дорогой шубке и быстрым легким шагом поспешало к подъезду.

– Девушка, красавица, – не чуя под собою ног, бросился он ей навстречу. – Подождите! Я вас ищу уже целый день!

Оля от неожиданности остановилась как вкопанная и оторопело взглянула на него.

– Я вас не знаю! – холодно ответила она, разглядев его пьяное лицо с дурацкой ухмылкой, и побежала к подъезду.

– Постойте, не убегайте! – Игорь в отчаянии кинулся за ней. Почему-то спяну ему показалось, что это его судьба, и если он не догонит ее, потеряет навеки. Он вбежал за ней,

прежде чем захлопнулась дверь парадного. Она успела нажать кнопку лифта, дверь уже распахнулась, но Карагодин, глупо улыбаясь, сгреб ее в свои объятия и затащил внутрь.

– Идиот, отпусти меня немедленно! – закричала в ярости Оля, вырываясь из рук пьянчуги. Но ее сопротивление только придало ему сил. В мозгу, залитом алкоголем, мелькали бессвязные мысли – сегодня Новый год, он хочет женской любви, наконец она в его руках, и он готов любить ее немедленно. Только почему она ему не рада? Кричит... Брыкается... Вот, сволочь, больно же...

Неожиданно страшный удар по голове вырубил его, и он тяжелым кулем вывалился из кабины на площадку. Бескозырка слетела с головы и откатилась в угол лифта. Но он этого уже не видел...

Оля не сразу поняла, что произошло. Только что она яростно сопротивлялась, и вполне успешно, исхитрилась этого подонка садануть коленом так, что он взвыл, а теперь он валяется на полу вниз лицом, и его отвратительные жидкие волосы потемнели на затылке. Оля подняла глаза и вздрогнула.

Глава вторая

Потерянная бескозырка

Первый день нового года Гоголев встретил вовсе не так, как ему мечталось накануне. Утром он даже не стал будить жену, чтобы вместе позавтракать. Наоборот, когда телефонный звонок поднял его ни свет ни заря и жена заворочалась в постели, он быстренько схватил телефонную трубку и вышел с ней на кухню.

– Виктор Петрович, с Новым годом вас! – прозвучал в трубке приглушенный голос Валеры Крупнина, молодого оперативника, который обычно первым приходил на работу. Прочитав за свою достаточно юную жизнь несметное количество детективов, он очень боялся пропустить что-нибудь интересное. Совсем недавно его стали включать в состав опергруппы, и он, очень гордясь этим, рьяно выполнял все задания, выпадавшие на его долю.

– И тебя тоже! – хриловатым со сна голосом ответно поздравил коллегу Гоголев, понимая, что его подняли с постели в такую рань вовсе не из желания немедленно поздравить. – Что-то случилось?

– Да, – важным голосом ответил Валера. – Сегодня ночью на Литейном обнаружен труп.

– Почему раньше не позвонил? – сердито спросил Гого-

лев.

– Пожалел, товарищ генерал! Все-таки праздник... – виновато оправдывался Крупнин. – Да вы не беспокойтесь, место происшествия мы осмотрели, а охранять его поставили участкового Петрухина.

– Подробнее... – потребовал Гоголев, зная привычку молодого опера растягивать удовольствие, докладывая об интересном, на его взгляд, преступлении.

– Молодая девушка, студентка, изнасилована и задушена в лифте собственного дома, – по-военному кратко отрапортовал Валера. Но лаконичность его доклада отнюдь не свидетельствовала о том, что он изменил своему обычному стилю. Наверняка он уже владел более подробной информацией, но по своему обыкновению оставил кое-что и на десерт.

Сон все равно был безжалостно прерван, и Гоголев решил, не мешкая, отправиться на место происшествия.

Во дворе старинного шестиэтажного дома его уже поджидали Крупнин, Мартынов и Салтыков. Они докуривали сигареты и, как только Гоголев вышел из машины, направились к нему.

– Покой нам только снится... – вместо приветствия произнес Гоголев, подавая всем руку. Опера выглядели озабоченными и, едва поздравив шефа с Новым годом, тут же повели его в подъезд. Было тихо и безлюдно, народ спал в это раннее новогоднее утро, и голоса оперов гулко разносились по подъезду.

Участковый милиционер Петрухин, щупленький, похожий на подростка, со скучающим видом привалился к решетке шахты лифта, и по всему было видно, что ему не терпится поскорее оставить свой пост и отправиться, наконец, спать. Увидев генерала угрозыска собственной персоной, он мгновенно выпрямился и звонко доложил:

– Товарищ генерал, меры по охране места происшествия приняты! – и будничным голосом добавил: – Стою уже часа три...

– Иди, Петрухин, отдыхай, – махнув рукой в сторону двери Гоголев.

– А теперь детали! – потребовал генерал, когда Валера в общих чертах доложил об убийстве. – Личность убитой установлена?

– Да. Это Алехина Ольга. Живет... то есть жила в этом доме на третьем этаже, в квартире сто восемнадцать. Тело обнаружили родители девушки, – Крупнин заглянул в открытый блокнот, страницы которого были исписаны корявыми буквами, – Алехины Валерия Антоновна и Александр Дмитриевич. Вчера их дочь с подругами отправилась на дискотеку и обещала вернуться к одиннадцати вечера. Родители ее прождали до полдвенадцатого, начали волноваться и решили выйти на улицу. Подумали, вдруг она там с подружками стоит, никак не спрашивается. Вызвали лифт и, когда двери открылись, увидели ее. Уже мертвую... Мать так кричала, что выскочили соседи. Отец был в шоке, просто окаменел.

Соседи вызвали милицию и «скорую».

Пока Крупнин докладывал, Гоголев нажал кнопку лифта и, как только двери открылись, надавил на «Стоп». Он окинул внимательным взглядом довольно просторную кабину, изучил нанесенные на полу мелом очертания фигуры, – в это раннее утро никто лифтом еще не пользовался и рисунок не затоптали.

– Ну что скажешь, Женя? – повернулся Гоголев лицом к Мартынову. – Что нам судебная медицина сообщит?

– Труп был осмотрен в статической стадии. Наружный осмотр показал, что смерть наступила около полуночи в результате удушения. На шее явственно видны следы от пальцев убийцы. Следов побоев или ранений на теле не обнаружено. Такое впечатление, Виктор Петрович, что девушка находилась в лифте с известным ей человеком. Он напал на нее неожиданно.

– Почему такие выводы?

– На теле не было следов сопротивления. Убийца ее просто изнасиловал, а потом задушил.

– Как это – просто изнасиловал, а потом задушил? А она что, стояла и ждала?

– Нет, конечно. Он ей, скорее всего, зажал рот рукой, у нее на щеке несколько царапин, от его ногтей, очевидно. Но то, что она находилась во время изнасилования в беспомощном состоянии, очевидно. Конечно, более подробную картину мы получим по результатам судебно-медицинской экс-

пертизы.

– Какие-нибудь вещдоки обнаружили? – спросил Гоголев у Крупнина.

– В том-то и дело, что обнаружили, – оживился тот. – Нам просто повезло. Вот тут, в углу, под лестницей, валялась бескозырка. Мы ее уже на экспертизу отправили.

– Надеюсь, это то, что нам нужно, – пробурчал Гоголев. – Надо поторопить экспертов.

– А мы пока соседей опросим... – Валера Крупнин горел желанием скорее приступить к работе.

– А кто с родителями поговорит? – спросил до сих пор молчавший Салтыков. – Только я – пас! Не выношу женских слез.

– С родителями сейчас не поговоришь. Мать погибшей в больнице, у нее сердечный приступ. Отец лежит дома, спит. Ему врачи укол вкатили, уж очень плох он был. У него сейчас соседка сидит, – продолжал удивлять коллег своей осведомленностью Валера.

– Тогда начинайте с соседей! – распорядился Гоголев. – А я поеду к экспертам. Посмотрим, что они скажут... А ты молодец, Крупнин, – одобрил он усердие доблестного следопыта.

Валера расплылся в улыбке, не в силах скрыть радость от похвалы начальства.

– Виктор Петрович, с соседями погодить надо, – вмешался Салтыков. – Все еще спят.

– Ну, погуляйте еще часок, – взглянул на часы Гоголев. – А потом приступайте. Главное, всех надо дома застать, пока не разбежались.

Гоголев уехал, решив, что ребята справятся без него.

– Я тут кафе знаю, оно рано открывается. Зайдем хоть кофейку выпьем, не мерзнуть же, в самом деле, на улице! – предложил вездесущий Валера Крупнин. Не было в Питере района, где бы он не держал на примете кафе, где можно было перекантоваться и с пользой приятно провести время. Заказав по чашечке кофе, все уселись поудобнее, а Валера открыл свой раздрызганный блокнот и спросил:

– Ну, какие будут соображения?

Юра Салтыков вызвался обойти соседей, Крупнин решил присоединиться – квартир много, а время не терпит. По свежим следам было больше шансов выйти на преступника. Женю отрядили к судмедэкспертам.

Час спустя, обходя квартиру за квартирой, опера пережили не лучшие минуты – первый день нового года начинался с ужасного преступления, а потому и настроение у жильцов было соответствующее.

– Ну что? – встретил их Гоголев в шестом часу вечера, когда изрядно уставшие опера ввалились в его кабинет.

– Немного, – тяжело вздохнул Крупнин с несвойственным ему унылым видом. От его былой жизнерадостности не осталось и следа. – Как и следовало ожидать, никто ничего не видел и не слышал – все сидели за столом и праздновали.

– Кто б сомневался! – пробурчал Гоголев, для большей комфортности отвалившись широкой спиной на спинку стула и постукивая карандашом по столу.

– К тому же у всех работал телевизор, так что громкая музыка заглушала все звуки в подъезде.

– Но в квартире сто двадцать одна старушка сообщила, что после одиннадцати ночи, когда она уже задремала, сквозь сон слышала женский вскрик. Но, говорит, не уверена, вдруг ей померещилось? Живет одна, так что подтвердить или опровергнуть ее слова некому. – Крупнин виновато взглянул на Гоголева. – Остальные соседи слышали уже только крики матери Ольги, тогда и вышли в подъезд. Но есть две зацепки. Первая: лифт с телом убитой остановился на четвертом этаже.

– Откуда известно? – поднял голову Гоголев.

– Я все-таки зашел в квартиру к Алехиным. Отец Ольги к тому времени уже проснулся после укола. Конечно, мужик не совсем в себе. Но его привела в чувство ненависть. Его прямо трясет от ненависти к убийце. Говорит, жизнь положит, а этого нелюдя найдет и собственными руками сначала кастрирует, а потом задушит... Я бы и сам так сделал, – признался юный оперативник. – Для таких мерзавцев закон – слишком большая роскошь.

– А какой бы отец так не сделал? – донесся из угла голос Салтыкова. – Только дай всем волю, это сколько же мужиков останется кастрированными! У нас даже нет точной стати-

стики, сколько изнасилований совершается по стране. Ведь далеко не все потерпевшие заявляют об этом – стесняются. Вот типичный пример: был такой Кузнецов, его изобличили в десяти убийствах на сексуальной почве в Москве, Киеве и Московской области. А до этого он совершил в своей родной Балашихе несколько десятков изнасилований. И только одна потерпевшая заявила об этом в милицию. Если бы заявлений было больше, его и арестовали бы раньше.

– А убивать-то зачем? – запальчиво воскликнул Валера. – Я бы сам этого гада собственными руками!..

Женя Мартынов с сомнением посмотрел на невысокого товарища:

– Боюсь, Валера, в нашем случае ты бы с ним не справился.

– Это почему? – вскинулся Валера. – У меня, между прочим, разряд по вольной борьбе.

– А потому, борец ты наш непобедимый, что убийца. И не просто душитель. Силища у него нечеловеческая. Он несчастную девушку одной рукой задушил.

– Да брось! – поразился Валера. – Это какую же ручищу надо иметь?!

– О чем и речь!

– Не отвлекайтесь, – строго приструнил спорящих Гоголев. – Ты, Крупнин, начал говорить о лифте на четвертом этаже.

– Ну да, – спохватившись, продолжил Валера. – Так вот,

когда Алехины вызывали лифт, по звуку слышали, что он спускался с четвертого этажа.

– А это достоверно? Они ничего не путают? Все-таки они такое пережили, могли и ошибиться.

– Я Алехину тоже задал этот вопрос. Он абсолютно уверен. Столько лет живут в этом доме, по звуку запросто могут определить положение лифта на этаж выше или ниже. По времени чувствуют.

– И что нам это дает? Мало ли кто поднимался на лифте на четвертый этаж. Не обязательно это был убийца. Мог любой из жильцов дома.

– Мы опросили всех жильцов в подъезде. После одиннадцати часов пятнадцати минут никто лифтом не пользовался. А родители обнаружили дочку в полдвенадцатого. То есть она с убийцей поднялась на четвертый этаж, он ее изнасиловал, задушил и спокойно вышел. А потом спустился по лестнице. Не кататься же с трупом в лифте – риск, вдруг кто-то зайдет в подъезд, подойдет к лифту, а тут вам – здрасте: убийца с трупом в кабине.

– Убийца мог не только спуститься по лестнице, но и подняться... Ведь было предположение, что она с ним знакома. Вдруг кто-то из соседей.

– А бескозырка? – вмешался Салтыков. – Среди жильцов нет служащих во флоте.

Гоголев внимательно слушал сообщения Крупнина, делая какие-то пометки у себя в блокноте.

– Меня все-таки смущает четвертый этаж, – вдруг заявил Валера. – Мы же по квартирам ходили, с людьми разговаривали. Все реагировали одинаково. Люди давно живут в одном подъезде, все знают друг друга. Семью Алехиных уважают, они в доме заметные люди. Глава семьи – бывший крупный чиновник, теперь влиятельный бизнесмен. Дочка в Финляндии учится.

В общем, семья на виду, и всех это убийство взволновало. Кроме одного типа из сто двадцать второй квартиры. Которая, кстати, находится на четвертом этаже.

– Ну, это тоже не показатель, – вмешался Женя Мартынов. – Далекое не все люди проявляют свои эмоции. Есть очень сдержанные, я бы даже сказал, равнодушные к окружающим люди.

– Не перебивай меня, пожалуйста, – попросил терпеливо Валера. – Я тоже психологию изучал. Но тут случай особый. Этот тип, повторяю, живет на четвертом этаже. Каледин Андрей Борисович, тридцать два года. Доцент. Преподаватель математики Петербургского университета.

– Ну?! – стал подгонять его Гоголев.

– Так он не просто разволновался. Его аж заколотило, когда я спросил, не слышал ли он чего-нибудь подозрительного нынешней ночью. Между прочим, – пустился в подробности Крупнин, – когда я звонил, он долго не открывал...

– Спал... – встрял опять Женя, не терпящий тяготины в рассказах Валеры.

– Ничего подобного, – отмел его предположение Крупнин. – Вид у него был помятый, волосы всклокоченные, под глазами круги, как у человека, который не спал всю ночь. После каждого моего вопроса впадал в ступор. Спросил, где он ночь провел. Ответил – дома. И так ненавязчиво пригласил в столовую. Как бы алиби продемонстрировал.

– Продемонстрировал? – Женя уже начал ерзать на стуле от нетерпения.

– Да еще как! Представь, на столе у мужика мясные нарезки, бутерброды с икрой, шампанское и зеленый горошек консервированный, – плотоядно облизнулся Крупнин. – А я с утра не ел...

– Эка невидаль – стол завален едой после новогодней объедаловки. Да во всех семьях по три дня доедают новогодние деликатесы.

– Знаете, что меня смутило? – Крупнин обвел присутствующих вопросительным взглядом. – Все это добро у него простояло всю ночь и полдня! Я к нему пришел где-то часам к двум. Хлеб на столе успел засохнуть, колбаса заветрилась. Мужик всю ночь просидел дома и ни фи́га не сожрал – ни одной грязной тарелки на столе. Кстати, и на кухне тоже. Я попросил у него воды попить, так что проверил. Зато два фужера посреди стола красовались. Чистые, из них никто не пил. Я специально к столу присел, вроде мне показания надо записать, а сам все это великолепие внимательно изучил. Мне показалось его поведение очень подозрительным – не

спал, не ел, глаза бегают, над каждым моим вопросом задумывается... Мало того, когда открывал мне дверь, был весь какой-то бледный, прямо как больной. А когда я протокол составил, весь покраснел, на лбу испарина выступила. Точно – совесть у него нечиста, как пить дать!

– Твой дедуктивный метод, Валера, ошибочный. Мужик не спал, не ел, говорит бессвязно, его от волнения колотит – значит, убийца! Как-то несерьезно это. Он, может, женщину пригласил, стол накрыл на двух человек, потому и два фужера поставил. А она его продинамила, он расстроился и есть ничего не стал. Всю ночь думу тяжелую думал, потому и выглядит неважно.

Валера заметно увял, слушая комментарии старшего товарища. Вот всегда так, решение, кажется, совсем близко, а рассудительный опер Салтыков одной фразой разрушает с таким трудом выстроенную версию.

– А почему его так колотило? – не сдавался он. – Этот математик насмерть перепугался, когда я ему об убийстве в подъезде сказал.

– Догадайся с трех раз, – насмешливо предложил Салтыков. – А если не можешь, я тебе подскажу...

Крупнин задумался.

– Что-то ничего дельного в голову не приходит, – наконец признался он.

– Просто он представил себе на мгновение, что это убили его женщину. Ведь она не дошла до него. Тут кого хочешь

заколотит. Ты ведь, наверное, не сразу сказал, кого убили?

– Нет, конечно. Я сначала спросил, не слышал ли он чего-нибудь подозрительного в подъезде, какого-нибудь шума, женского крика... Тут-то его и заколотило. Правда, когда я потом добавил, что убита его соседка по подъезду, что-то ему ничуть не полегчало. Все равно стоял, как пришибленный...

– Понять можно, – пожал плечами Салтыков. – Не каждый же может мгновенно успокоиться. Возможно, он – человек тонкой душевной организации... Впечатлительный...

– А вторая зацепка? – напомнил Гоголев, слушая рассуждения своих коллег.

– Все та же бескозырка. В подъезде моряки не проживают, ни к кому гости в этот вечер не приходили. Последний гость поднимался на лифте на шестой этаж буквально за пятнадцать минут до того, как в нем оказалась Ольга. И никакой бескозырки там не было. Значит, она принадлежит убийце.

– Ну, если все так просто, то нам следует искать моряка, потерявшего бескозырку. – Гоголев открыл папку, лежавшую на столе, и достал акт экспертизы. – У меня тут кое-что для вас есть. Информация о нашем единственном вещдоке – бескозырке.

Крупнин вытянул шею, с любопытством заглядывая в документ.

– Описательную часть зачитывать не буду. Фабулу дела мы с вами уже обсудили. А вот заключение эксперта кое-что

нам дает.

Спустя полчаса, открыв настежь форточку, поскольку в прокуренном помещении уже нечем было дышать, опера обменивались мнениями.

– Вот задачка, – сокрушался Крупнин, поглядывая на товарищей, как бы ища у них поддержки. – Моряков у нас в Питере – море, и найти среди них хозяина бескозырки, по моему, полная безнадега.

– Поначалу всегда так кажется, – успокаивал его Салтыков. – Конечно, было бы просто замечательно, если бы на месте преступлений нам оставляли побольше вещдоков! – Он иронично усмехнулся. – Но, увы! Что есть, то есть. И за это большое спасибо. А если серьезно, то есть хотя бы с чего начать розыск. По надписям на ленточках бескозырки мы знаем, что он служит в Балтийском флоте. Нам известно, что у хозяина бескозырки большая голова, размер шестьдесят четвертый. Он шатен, цвет волос – темно-русый. Волосы короткие, до двух сантиметров. Тонкие. С волосами у него проблема, скорее всего, он лысоват. Аккуратным его тоже не назовешь – бескозырку он чистил давненько, она вся в пятнах от пота и городской пыли. А ленточки проглаживал прямо поверх грязи. Засаленные они у него. Так что можно кое-какие выводы сделать.

У Валеры, внимательно слушающего опытного товарища, загорелись глаза.

– Юра, – не в силах сдержаться, перебил он Салтыкова. –

Ты можешь себе представить моряка срочной службы, который ходил бы в грязной бескозырке? Да он из гауптвахты не вылезал бы, не то что по улице разгуливал и на девушек нападал. Может, это вовсе и не моряк, а так, псих какой-то, просто для понта бескозырку носит!

– Может быть, в твоих словах и есть резон, – охладил его пыл Салтыков. – Но я тебе вот что скажу: в бескозырке может ходить, несомненно, только человек в морской форме. А посему наша первая задача – начать поиск с морских частей и морских училищ Питера.

Валера присвистнул:

– Это сколько ж народу надо перелопатить?!

– А мы подключим военную прокуратуру, – вмешался в разговор оперов Гоголев. – Попросим подать запрос в морские части и училища, чтобы на местах проверили весь наличный состав. Не заявлял ли кто-нибудь о потере бескозырки. Многих ведь на праздник отпускали в увольнение. Кто-то из них провожал своих барышень, наверняка без алкоголя не обошлось... Вот на утренней поверке могло и выясниться – все ли одеты по форме... Так что займись этим, Юра, – обратился он к Салтыкову. – А что у тебя, Женя? Готовы ли результаты судебно-медицинской экспертизы? Или в бюро все еще празднуют Новый год?

– Результаты готовы, – степенно ответил Женя и достал из папки сшитые листки распечатанного на компьютере заключения. – Я уж попросил сделать экспертизу поскорее. Вот

Макеев по дружбе и постарался. Читаю: «При судебно-медицинском исследовании Алехиной О. Д. установлено, что на теле Алехиной имеются следующие повреждения: в области шеи – кровоподтеки, которые являются следствием сильного сжатия пальцев преступника, повлекшего за собой удушение. В области левой щеки – несколько ссадин, являющихся следами от ногтей преступника. В области правой груди – кровоподтек, возникший от сильного нажатия тупым предметом овальной формы.

В области спины – ссадины, которые возникли в результате трения и имеют вид вертикальных полос неправильной формы. Смыв биологических следов с открытых участков тела и половых органов обнаруживает наличие следов спермы».

– Ну что ж, есть над чем поработать, – удовлетворенно отметил Гоголев и взглянул на часы. – Ого, уже девять! День прошел плодотворно. Пора и по домам. Юра на завтра задание получил. Ты, Женя, подумай над картиной изнасилования.

– А я пойду завтра опять к Алехиным, – вызвался Валера. – Надо бы выяснить имена подруг, с которыми Алехина была на дискотеке... Может, что-нибудь прояснится. Вдруг кто-то видел, с кем она ушла с дискотеки!

Ася и Лена поднялись по скользким ступенькам Управления внутренних дел и, робея, открыли тяжелую дверь.

– Нас вызывал следователь Крупнин Валерий Георгиевич, – обратилась более решительная Лена к сидящему за столиком дежурному милиционеру.

– Фамилии? – спросил он строгим голосом, неодобрительно глядя на двух красоток, одетых слишком вызывающе, на его взгляд, для такого серьезного учреждения. Обе были в меховых шубках, и он тут же решил про себя, что девушки из семей новых русских, к которым он всегда испытывал здоровую классовую ненависть. К тому же девицы выпорхнули из дорогой иномарки – через стеклянную дверь просматривался подъезд к зданию. И это окончательно испортило ему настроение.

– Лаврова Ася и Камахина Елена, – ответила Лена.

Милиционер посмотрел в какой-то список, лежащий перед ним на столе, и потребовал паспорта. Пока он не торопясь вписывал их фамилии в большую амбарную книгу, а затем так же невозмутимо выписывал пропуска, девушки прямо изнывали, раздражаясь от его медлительности. Закончив свою работу, дежурный наконец-то вернул им паспорта и, смерив недобрым взглядом, сухо проинформировал:

– Третий этаж, комната 319.

Девушки начали подниматься по ступенькам и Ася тихо спросила у подруги:

– Видела, как он смотрел? Мы его раздражаем...

– Ой, Ася, о чем ты думаешь? – с досадой проговорила Лена. – Он тебе нужен?

– Я, может, стараюсь отвлечься, – обиделась Ася. – И так страх разбирает, а ты еще ругаешься.

У кабинета № 319 девушки остановились и только собрались постучать, как дверь распахнулась, и молодой розовощекий парень при виде девушек резко остановился и деловым голосом спросил:

– Вы ко мне? Как фамилии?

Подруги назвали и Крупнин пригласил:

– Заходите, но попрошу по очереди. Ну, кто из вас смелее?

Лена переступила порог кабинета, и Крупнин вежливо придвинул стул.

– Мне поручили вести следствие по факту убийства вашей подруги Ольги Алехиной, – начал Валерий. Лена испуганно смотрела на него. Она еще не успела свыкнуться с мыслью о том, что ее подруги больше нет. Еще два дня назад они отплясывали на дискотеке и строили планы на ближайшие дни. А теперь об Оле можно говорить только в прошедшем времени... Вчера, узнав о страшной смерти подруги, Лена и Ася были так потрясены, что просидели весь день у Аси дома и не могли ни о чем больше думать. А завтра предстояло ехать на похороны. У Лены непроизвольно покатались слезы, и она зашмыгала носом. Валера участливо посмотрел на нее.

– Я понимаю, вам сейчас тяжело говорить об Ольге, но я так надеюсь, что вы вспомните что-то важное, и это поможет

нам... Понимаете, у нас сложилось такое впечатление, что она поднималась в лифте со знакомым человеком... Помните, пожалуйста, с кем она танцевала. Может, вы видели, кто ее провожал... Нам важна любая деталь...

– На дискотеке было так много людей... – Лена наконец смогла заговорить. – И Олю многие ребята приглашали.

– А на дискотеке были только студенты университета? Или чужие тоже?

– Приглашали студентов из Полиграфического института и курсантов Военно-морского училища...

– Ну-ка, ну-ка... – страшно оживился Крупнин. – Вы видели, как она танцевала с курсантами?

– Конечно, – удивилась Лена его внезапному энтузиазму. – Мы все с курсантами танцевали... Там были мальчики очень даже ничего...

– А когда она ушла, вы видели?

Услышав этот вопрос, Лена вдруг изменилась в лице, из глаз опять покатались слезы, и она, сдерживая рыдание, едва произнесла:

– Это я во всем виновата...

– Почему? – растерялся Крупнин.

– Я обещала ее проводить. Я приехала на машине. И даже специально не пила шампанское, потому что собиралась сесть за руль. А потом познакомилась с одним курсантом, мы с ним все время танцевали. Отвлеклась и забыла обо всем. А когда стала искать Олю, ребята сказали, что она уже ушла.

Если бы я не увлеклась тем мальчиком... – Лена горько рыдалась. Крупнин заметался по кабинету, не зная, что делать. Наконец сунул ей бумажный платок и выглянул в коридор.

– Девушка, зайдите, пожалуйста.

Его взволнованный голос напугал Асю, и она вбежала в кабинет. Кинулась к Лене и, бросая сердитые взгляды на следователя, запричитала:

– Леночка, ну что ты? Что он тебе сказал? Он тебя запугивал?

– Никого я не запугивал, – смущенно покраснел Крупнин. – Я спрашивал, видела ли ваша подруга, когда ушла Ольга. А она вдруг расплакалась. Успокойте ее, пожалуйста. А потом зайдите, я хочу с вами поговорить. У меня всего несколько вопросов.

Он выпроводил девушек в коридор, а сам выключил диктофон и призадумался. Крупнину казалось, что он стоит на пороге разгадки. На дискотеке, где полно народу, где треть приглашенных – курсанты-моряки, вполне мог присутствовать тот, который выследил Ольгу, когда она вышла из здания, и последовал за ней.

Крупнин выстраивал версию, и его трясло от возбуждения. Он подбежал к двери и нетерпеливо выглянул в коридор. Подруги сидели обнявшись и обе ревели.

– Тьфу, – сплюнул с досадой Валерий. Нашли, когда слезы проливать. Он кашлянул, чтобы привлечь их внимание, и

поманил пальцем Асю.

– Пожалуйста, заходите, – чуть ли не с мольбой в голосе пригласил он девушку.

Ася погладила Лену по голове и неуверенно переступила порог. Бог знает какие вопросы задает этот розовощекий мальчишка, если даже всегда уверенная в себе Лена расплакалась. Тревога за оставленную в коридоре подругу придала Асе сил, и она отвечала на вопросы Крупнина более-менее спокойно. Она вспомнила, как Оля танцевала с каким-то нахальным парнем, но тот был вовсе не курсант, как она его почему-то оттолкнула и тут же стала протискиваться сквозь толпу к гардеробу. Ася видела это издали, но подойти к подружке не смогла, было очень много народу. К тому же она не думала, что Оля собирается уже уходить.

И только на следующий день она узнала о страшной трагедии. Ася сцепила руки на коленях и, не замечая струящихся по щекам слез, рассказала следователю о последних минутах, когда она видела Олю живой.

– А с кем она ушла с дискотеки? – Крупнин не терял надежды, что разгадка кроется где-то рядом.

– Нет. Я же сказала – последнее, что я видела, Оля вышла за дверь одна. Мы потом спрашивали у ребят, не видели ли они ее. Лена ведь обещала ее отвезти на своей машине. Но никто из наших ее не видел. На улице курили ребята из Полиграфического института, но мы с ними не разговаривали.

Несколько разочарованный, Крупнин поблагодарил деву-

шек и отпустил их.

Внизу дежурный милиционер, принимая пропуска, заметил на их лицах следы слез и злорадно подумал: «Богатые тоже плачут!» И то, что они опять уселись в серебристую иномарку, его уже огорчило не так сильно.

На третьем этаже Валера Крупнин, сидя боком на краешке стула, в который раз прослушивал запись допроса девушек. Наконец решительно вскочил и, на ходу застегивая молнию куртки, быстрым шагом вышел из кабинета, столкнувшись в коридоре с Юрой Салтыковым.

– Ты куда? – притормозил следователь торопящегося Валеру.

– Юра, у меня тут идея возникла. Я сметаюсь в Полиграфический институт, мне нужно кое с кем побеседовать.

– Ну, валяй, – отпустил его Салтыков, видя нетерпение Валеры. Он знал за молодым следователем эту черту, частенько мешающую делу. Идеи в его голове роились в огромном количестве, правда, толку от них было немного... Спеша поскорее высказать мгновенно возникшую мысль, Валера иногда не давал себе труда ее основательно обдумать. И когда товарищи охлаждали его пыл, он обижался. Ему казалось, что его недооценивают. И стараясь быть полезным, он проявлял инициативу, поражая следователей бешеной активностью.

В здании Полиграфического института второго января

царило обычное оживление – по коридорам сновали толпы студентов, направляясь в свои аудитории, где одни группы собирались на предэкзаменационные консультации, другие стояли под дверью с конспектами и учебниками. По их сосредоточенному виду было понятно, что сегодня им предстояло сдавать экзамен. Направляясь к группке празднично болтающих студентов, вычислив по их беззаботному виду, что студенты пришли на консультацию, Валерий уже издал выбрал говорливого, задиристого вида парнишку. Вот такие отвязные парни – обычные завсегдатаи дискотек.

– Привет, ребята! – поздоровался он со всей компанией.

– Привет! – нестройным хором ответило ему несколько голосов.

– Дело есть, парни. Я из уголовного розыска. – Крупнин представился им по полной форме.

Студенты посмотрели на него с любопытством.

По всему было видно, что опыта общения с уголовным розыском они еще не имели.

– Кто-нибудь из вас приходил на дискотеку в университет тридцать первого декабря? – спросил Крупнин, решив сразу приступить к делу.

– Ну, я был, – весело ответил отмеченный Валерой говорун. Он только что рассказывал что-то смешное и еще находился под впечатлением своей шутки. – А что, кого-нибудь замочили? – с хохотком поинтересовался он. – Ведь уголовный розыск просто так не приходит.

– Об этом я расскажу при конфиденциальном разговоре. – Валера постарался придать своему голосу побольше солидности, так как знал, что по внешнему виду мало чем отличается от студентов. – Только мне бы хотелось поговорить еще с кем-нибудь, кто был на дискотеке. Например, с теми, кто выходил покурить около одиннадцати часов ночи.

– Мы по часам не курим, – откровенно развлекался домо-рощенный юморист. – Только когда приспичит...

Его слова вызвали смех у товарищей.

– Да я и не рассчитывал, что вы смотрели на часы. Но дело действительно серьезное, ребята. – Валера строго посмотрел на улыбающихся студентов. – Настолько серьезное, что тут не до смеха.

– А что, собственно, произошло? – Студент, выглядевший как типичный отличник, подняв брови, пытливо посмотрел на Валеру. Вокруг царили шум и колготня, приходилось повышать голос, а Крупнину совсем не нравилось отсутствие рабочей обстановки.

– А у вас есть местечко потише? – Крупнин обратился к отличнику, как он про себя назвал смуглолицего паренька с аккуратной стрижкой.

– В тридцать пятой аудитории никого нет, я только что оттуда. – Еще один юноша, атлетического телосложения и с большой спортивной сумкой через плечо, вмешался в разговор.

– Ребята, я много времени у вас не отниму. Мне нужно

задать несколько вопросов. Но чтобы сэкономить ваше время, договоримся сразу – я хотел бы поговорить только с теми, кто курил на улице у входа на дискотеку около одиннадцати. А сейчас могу сказать, все равно вы узнаете друг от друга, что в ту ночь была убита девушка, ваша сверстница, студентка. Она была с вами на дискотеке, очень важно знать, с кем она ушла.

– Не фига себе! – Весельчак присвистнул от удивления. – Поможем органам? – обратился он к компании и повернулся к Крупнину: – Пошли в тридцать пятую...

Когда все расселись в аудитории напротив Крупнина и он включил диктофон, оказалось, что рассказывать ребятам особо-то и не о чем. Да, в числе других они стояли на крыльце, атлет назвал точное время – десять часов пятьдесят минут. Он как раз посмотрел на часы, чтобы узнать, скоро ли двенадцать. Веселье было в разгаре, все отплясывали в актовом зале, поэтому одинокая фигурка девушки привлекла внимание курящих. Они стояли на улице раздетые, не хотелось одеваться, да им было и нехолодно – разгоряченные от танцев и шампанского, они не чувствовали легкого морозца. Девушка стремительным шагом вышла на крыльцо, одетая в короткую шубку и без головного убора. Это подтвердили несколько человек.

– У нее такие волосы были красивые, волнистые, прямо водопад, – описывал внешность Ольги атлет. – Я еще подумал, что у нее волосы, как на картине Боттичелли «Весна».

Помните, там девушка стоит в морской раковине, красивая такая, и волосы у нее струятся по спине. Вот у той девушки волосы точно такие были, золотистые. Я ведь сам рисую, учусь на художника-оформителя, – объяснил он Крупнину свои неожиданные познания в творчестве Боттичелли.

– А мы еще предложили ее проводить, – перебил атлета весельчак.

«Ну, этот наверняка первый вызвался!» – подумал Крупнин.

– Но она какая-то сердитая была, так резко нас отшила... Говорит: «Меня уже ждут!»

– Да нет, она сказала: «За мной машина приехала!» – заспорил еще один студент, похожий на Валерия Золотухина в молодости. – Хотя никакой машины не было, я с крыльца видел, как она выбежала на дорогу и тормознула такси.

– Так она одна уехала? – уточнил Валерий.

– Ну да, мы все видели, – подтвердили в один голос студенты.

– А что же с ней произошло? – Ребята поняли, что ничем больше помочь следователю не могут и хотели узнать, что же все-таки стряслось с девушкой. Каждый про себя подумал, что если бы она не отвергла его провожание, то он уж ее смог бы защитить.

– Ее задушил какой-то мерзавец. Изнасиловал и задушил, – решил уточнить Валера. В тот момент он еще не отдавал себе отчета, зачем решил рассказать студентам об из-

насиловании. Потом, когда уже анализировал свою беседу с ними и вспомнил реакцию студентов – возмущение, гнев, – пришел к выводу, что был прав. Люди должны знать об опасности. Возможно, ребята предостерегут своих подружек, и те будут начеку, если им одним придется поздно возвращаться.

Крупнин уже знал, как действовать дальше. Если Юра Салтыков еще не получил сведений о хозяине бескозырки, то он, Валера, займется всеми таксопарками Питера, чтобы найти водителя такси, подвозившего Ольгу в роковую ночь.

В кабинете Виктора Петровича Гоголева горел неяркий свет, по-домашнему освещая лица оперов. Валерий, зайдя последним, удивился:

– Что это так темно?

– Лампочка перегорела, а электрик уже домой ушел, – объяснил Яковлев, не поднимая головы от бумаг. Гоголев молчал, о чем-то думая, нахмутив свои густые брови и по обыкновению постукивая карандашом по столу.

– Наконец-то, – проговорил он, когда Валера уселся на свободный стул. – Где тебя носило полдня? Приказ помнишь? Если надолго уходишь, включай мобильный. Зря, что ли, я выбивал у начальства деньги на служебные телефоны?

Валера суетливо достал из кармана телефон.

– Тьфу ты, – не сдержался он, – зарядить забыл! Вчера поздно лег спать и не подключил! Виктор Петрович, я был вам нужен?

– А ты как думаешь, Крупнин? Полдня от тебя ни слуху ни духу, чем занимаешься – неизвестно. Время-то идет! А нам надо по горячим следам очевидцев опросить. Через день они уже половину забудут.

– Виктор Петрович, так я только этим и занимался – шел по горячим следам! – Незаслуженно обиженный Валера pokrылся красными пятнами и стал слегка заикаться. – Я с утра допрашивал двух красавиц... двух подруг Алехиной.

Оговорка Валеры рассмешила Салтыкова, и он хмыкнул, выразительно посмотрев на Мартынова. Но судебный медик на его взгляд никак не отреагировал. С озабоченным лицом он слушал диалог коллег, сидя в обнимку с папкой.

– Ну, докладывай. – Голос Гоголева стал мягче, он приготовился слушать Валеру.

С подробностями, как обычно, Валера выложил информацию и о разговоре с девушками и о беседе со студентами полиграфического института. И хотя фактически ничего нового следователи из его доклада не узнали, Гоголев похвалил Крупнина за оперативность:

– Во всяком случае, мы теперь знаем совершенно точно, что Алехину никто из своих не провожал. – А у тебя что нового, Мартынов?

– Разъяснилась картина преступления, Виктор Петрович. Возникла еще одна версия – преступник мог заскочить в лифт в последнюю минуту. Не кричала она только потому, что он зажал ей рот рукой. Как я докладывал вчера, на ее

щеке обнаружены ссадины. Это следы его ногтей. Потом он сорвал с нее шубу.

На стене лифта не обнаружены волосы от шубы, поверхность стенки пористая, так что если бы она сопротивлялась в шубе, неизбежно при трении пара-тройка волосков осталась бы. На шее обнаружены следы от пальцев только одной руки. Я все думал – почему. Правда, и одной рукой он с ней справился. Размер ладони и длина пальцев говорит о том, что руки у него очень большие. А второй рукой он ее придавил, овальный кровоподтек на правой груди – это след от локтя левой руки убийцы. Он сначала прижал ее рукой к стене, буквально вдавил. Но она все еще сопротивлялась, пыталась вырваться, вот отчего на спине у нее возникли ссадины. Потом, чтобы освободить руку, он своим телом прижал ее к стенке лифта. И когда стал насиловать, она пыталась, видимо, опять закричать. И тогда он свободной рукой ее задушил.

– Вот скотина! – вырвалось у Валеры, стоило Мартынову закончить свой доклад.

– Крупнин, – одернул его Гоголев. – Сейчас не время для эмоций. А ты, Женя, продолжай.

– Да я, в общем-то, закончил. Для полной ясности только дополню: убийца очень силен. А сравнивая размер его рук и физическую силу, можно говорить о человеке высокого роста и крупного телосложения.

– Вот-вот, – оживился Валера. – У него и башка здоровая. Бескозырка шестьдесят четвертого размера. У меня, напри-

мер, шапка пятьдесят шестого размера.

– Так ты и сам не гигант! – съехидничал Мартынов.

– У меня рост сто семьдесят два, не такой я уж и маленький... – обиделся Валера.

– Будем искать монстра, – мрачно изрек Салтыков.

– А ты что можешь сообщить, Юра? – Гоголев приготовился слушать Салтыкова.

– Пока ничего, – ответил тот. – Из морских частей и мореходок на наш запрос ответы еще не получены по той простой причине, что запрос отправлен утром уже после проверки. Если кто-то и потерял бескозырку, этот факт не был зарегистрирован. Так что сведения мы получим только завтра утром.

– А во сколько у них по утрам бывает проверка? – поинтересовался любознательный Валера.

– Сообщаю исключительно для расширения твоего кругозора – в семь ноль-ноль!

– Все-таки ехидный ты, Юра, – опять надулся Валера.

– Хватит прикалываться! – одернул их Гоголев. – Нам сейчас нужно обсудить план действий на завтра. Необходимо найти таксиста. Сами справитесь или попросим подмогу?

– Справимся сами, Виктор Петрович. Сейчас пошлем запросы во все транспортные комбинаты и организации, пусть подготовят и пришлют списки водителей, которые выходили на линии тридцать первого декабря. А там уж выясним, кто подвозил Алехину от университета на Литейный около

одиннадцати ночи.

– Ну хорошо, приступайте. – Гоголев встал, давая понять, что разговор закончен.

Утром Валера проснулся, как обычно, в семь часов. Когда бы он ни заснул накануне, внутренний будильник поднимал его в одно и то же время. Он бодро вскочил, прислушиваясь к голосам в коридоре. Валера жил в небольшой комнатке в общежитии Министерства внутренних дел и очень этим гордился. Когда он приезжал в отпуск в родной город Пинск, встречаясь с друзьями и рассказывая о своей столичной жизни, всегда хвастливо добавлял, что живет в министерском общежитии. Это производило на бывших одноклассников и дворовых друзей сильное впечатление.

Общежитие только начало просыпаться, слышалось хлопанье дверей, кто-то гремел чайником – кухня находилась прямо напротив Валериной комнаты. Он в отличном расположении духа открыл форточку и приступил к зарядке. На стене над кроватью висел приклеенный скотчем постер с изображением его кумира Шварценеггера. И Валера, усердно наращивая мышечную массу, вдохновлялся его примером. Шварценеггер тоже был среднего роста, а накачал такую фигуру, что никому и в голову не приходит интересоваться его ростом.

На плите закипал чей-то чайник, но остальные конфорки были еще свободны. Валера принялся готовить свою люби-

мую яичницу с луком, щедро посыпая ее перцем, сушеной петрушкой и приправой для картофеля. Как-то накупив этой приправы, он посыпал ею все подряд, находя ее вкус очень пикантным. Хозяин чайника не появлялся, может, опять заснул. Валера отставил его и, недолго думая, налил себе в чашку кипятка. Для экономии времени. Захватил сковородку с яичницей и быстрым шагом пересек коридор. Горячую сковородку поставил на кирпич, который заменял ему подставку, и, обжигаясь, стал поедать яичницу, постанывая от удовольствия. В первые дни после зарплаты он посыпал яичницу еще и тертым сыром, но в этот раз до зарплаты оставалось еще пять дней, а деньги были на исходе... Отломив кусок хлеба, он вытер им сковородку и, вспомнив нехстати, как вредно употреблять пережаренное масло и сколько в нем канцерогенных веществ, отправил его в рот. Каждый раз, съедая со сковородки жир, Валера вспоминал рассказ отца. Во времена студенческой молодости он тоже жил в общежитии и теперь любил рассказывать о своем однокурснике, которому родители присылали с Украины сало. Когда у него заканчивалась стипендия, однокурсник резал сало на мелкие кусочки, жарил его, а потом ел эти шкварки. Валера любил эту «кулинарную» историю, потому что и сам любил шкварки. Он уже давно заметил, что любит есть то, что вредно.

После плотного завтрака, куда вошли еще три бутерброда с колбасой и большой бублик, Валера заторопился на рабо-

ту. Ему не терпелось узнать, есть ли уже данные о таксисте, подвозившем Алехину. И пока троллейбус медленно тащился по маршруту, Валера мысленно уже составлял план дальнейших действий.

– Полный облом! – с досадой подытожил Валерий сообщение Салтыкова.

– Погоди, Крупнин, не мельтеши. Если бескозырку потерял не матрос и не курсант мореходки, будем искать иным способом. Задействуем свою агентуру, среди них есть такие кадры – землю носом будут рыть, а хозяина бескозырки найдут. У них у каждого рыльце в пушку, знают, что привлечь их – нам раз плюнуть... Сейчас отправимся в местную командировку по значным местам, – усмехнулся Салтыков, глядя на удивленное лицо Валеры.

– Жаль, таксист ничего нового не сказал... – Валера на мгновение задумался и вдруг выдал:

– А ты его хорошо рассмотрел, Юра? Ну, там рост, вес, размер головы, руки...

– Рост у него средний, вес на много не потянет, килограммов семьдесят пять на глазок, руки, правда, большие, но тоже не ахти – одной он бы не справился. И голова нам его никак не подходит, к сожалению. У него волосы с проседью, и бескозырку он не носил. Я у него между делом спросил, в каких войсках служил в молодости. Говорит, в танковых. И размерчик головы у него тоже не выдающийся, не больше

пятьдесят шестого.

– Хилый-то какой, – разочарованно протянул Валера.

– А иначе не взяли бы в танковые войска, туда солидных не берут, танк ведь не резиновый! – Юра расплылся в насмешливой улыбке.

– Составляй, Салтыков, список проходимцев, пора приниматься за дело! А я пока картотекой займусь. Может, там нас подсказка какая ждет... – Гоголев включил компьютер.

Час спустя Крупнин и Салтыков в старых потрепанных куртках и бесформенных вязаных шапочках спускались по грязным ступенькам в подвал давно не отремонтированного дома.

– Юр, а ты уверен, что там кто-то есть? – Валера говорил шепотом, боясь спугнуть предполагаемых постояльцев подземного убежища. – Указ ведь был – запирайте все подвалы и чердаки...

– Указ был, но и бомжи хотят жить. А куда им податься в такие холода? Вот и пускаются на всякие хитрости. Смотри – на двери засов с замком. Издали посмотришь – все в порядке, замок висит. А вплотную подойдешь – засов аккуратно распилен ножовкой. Мы сейчас эту дверь откроем и тихонечко войдем...

Валера включил фонарик, и они стали осторожно продвигаться по узкому коридору. В толстых трубах вдоль стены что-то тихо гудело, там была какая-то своя жизнь. За поворотом в конце коридора тускло горел свет.

– Подъем, господа рецидивисты! – гаркнул Салтыков, неожиданно появившись перед глазами пребывающих в полудремотном состоянии бомжей.

Те оторопело вытаращились, один из них вскочил и заметался. Но бежать было некуда – глухая стена за ним перекрывала путь к отступлению.

– Мы не рецидивисты, – прохрипел простуженным голосом бородатый, в грязной засаленной куртке бомж. – Мы тут просто кантуемся. Погреемся и уйдем...

– И куда же вы уйдете, мужики? Вас где-то ждут? – Салтыков заговорил ласково, отеческим тоном, что еще больше насторожило бездомных. Четыре пары глаз недоверчиво следили за каждым его движением. – А имущество свое тоже с собой прихватите? – Салтыков указал на драные матрасы и электроплитку с черной кривобокой кастрюлей. – Мы не звери, мужики. Живите, варите свой чифирь... Вон сколько бутылок накопили, – уважительно добавил он и повернул голову к Крупнину. – Прямо санитары города... Макулатуру тоже собираете?

– Вчера сдали, гуляем теперь... – прогундосил молодой, с синей побитой мордой мужик. Следы засохшей крови под расквашенным носом свидетельствовали о знатном празднике.

– И где ж тебя так приласкали? – участливо поинтересовался Салтыков.

– А это ему от Вальки-хулиганки досталось! – заржал ко-

соглазый мужичонка, остервенело скребясь в колтуне на голове.

Валера на всякий случай отступил на шаг назад. Его подташнивало от вони, которую распространяли давно не мытые тела бомжей, а яркая фантазия рисовала ему устрашающую картину: толпы вшей дружными рядами направляются в его сторону.

Валера затосковал.

– Дело к вам есть! – сурово произнес Салтыков. – Вы остаетесь здесь, никто вас не тронет. А нам нужна информация – кто в ближайшей округе пантовался в бескозырке, а теперь ходит без нее. У вас связи широкие – поспрошайте своих дружбанов. Только информация нужна срочно. Отрывайте свои задницы – и вперед.

– Начальник, ты нам на хлеб дай, – попросил до сих пор молчавший невероятно худой мужик. Его узкое лицо, обтянутое желтой кожей, дергалось от нервного тика. Из глаз непрерывно текли слезы, и он их вытирал рукавом свалявшейся шубы.

Салтыков с жалостью взглянул на него и протянул десятку. Тот жадно схватил ее и мгновенно сунул в карман.

– Придем завтра, – пообещал Салтыков и потянул за рукав слегка обалдевшего Валеру, который с трудом сдерживал тошноту.

– Ты чего? – спросил у него Юра, едва они вышли на свежий воздух и Валера стал жадно дышать, словно минуту на-

зад умирал от кислородного голодания. – Ты что, бомжей не видал?

– Видал, конечно, – отдышавшись, оправдывался Валера. – Но никогда не стоял так близко. – Он почесал за ухом и в ужасе уставился на Салтыкова: – Вши! Я вшей подцепил! – Его передернуло от отвращения.

– Да брось, – снисходительно посмотрел на него Юра. – Ты ж стоял в пяти шагах. Подумаешь, какие нежности – ты что, принц? При королевском дворе воспитывался? Это, Валера, суровая правда жизни.

Я эту компанию давно знаю. Бородатый – он у них за старшего. Был когда-то спортивным тренером в детской спортивной школе, волейболист. Женился на девчонке моложе его лет на двадцать, она ему детей нарожала. А жили они в комнате в коммуналке. Девчонка с ним лет пять пожила, надоела ей коммуналка, она мужа пилить начала. А что он может заработать в районной спортивной школе? На новое жильё его зарплаты никак не хватило бы. Так он придумал – самовольно занял одну из квартир нового дома, а когда его стали оттуда вытуривать, отбивался паяльной лампой и обжег участкового милиционера и техника-смотрителя. Его засудили, а пока он год сидел, жена другого нашла. Когда он возвратился, в дверях новый замок, жена его не пускает, говорит: «Будешь ломиться – опять сядешь. Я эту комнату приватизировала. Ты здесь уже никаким боком...» Пока он искал правду, они с новым мужиком комнату продали, купили

квартиру и съехали...

– А худой бомж кто? Он ведь больной...

– У него своя трагедия. Его жену бандит зарезал. В Свердловске дело было. Милиция бандита не нашла, а он нашел и убил. Кстати, не скрывался, так что его-то милиция сразу вычислила. Показательный суд устроили и на семь лет за решетку отправили. Вышел, а его дом снесли – новую улицу проложили. О нем все забыли, пока срок мотал. Вот он и бродяжничает. Он мужик рукастый – и сторожил, и что-то строил по мелочам: то беседку, то сараюшку... Сердобольные хозяйки подкармливали... Но болеть начал, долго не протянет. Знаешь, сколько таких? Конечно, жалко их. А что с ними делать? Отбросы общества, деклассированные элементы... Люди, потерявшие ориентиры в жизни. Ну ладно, пошли, я тебе еще одно местечко покажу.

Гоголев сидел в своем кабинете, поджидая Крупнина и Салтыкова. Полчаса назад Салтыков позвонил ему с мобильного телефона. Голос у него был взволнованный, звуки уличного шума врывались в эфир и мешали разговору.

– Мы уже едем, скоро будем, есть новости! – скороговоркой выпалил Юра и отключил телефон.

Прошло минут сорок, наконец дверь распахнулась и ввалились возбужденные опера. Видок у них был тот еще – на затрапезных куртках пятна от побелки, у Валеры с шапки, надвинутой низко на глаза, свисала паутина. Лица у обоих

красные, потные, но зато глаза радостно блестели. Гоголев, не терпящий беспорядка, осадил их:

– Сначала приведите себя в порядок, умойтесь, потом доложите.

– Сейчас, сейчас, – торопливо бросил Валера, и они умчались переодеваться.

Зашли уже умытые, причесанные, уселись на стулья, предложенные Гоголевым.

– Мы тут агентуру подключили, Виктор Петрович. Она нам здорово помогла. В общем, есть ориентировка. Нашли мы хозяина бескозырки! – не удержавшись, хвастливым тоном добавил Салтыков.

– Ну-ка, ну-ка! – Гоголев повернулся всем своим массивным корпусом к Юре. – Что вы там нарыли?

– У нас есть сведения о человеке, который носил бескозырку. Тридцать первого декабря в первой половине дня его видели еще в ней. А второго января он своему корешу жаловался, что потерял ее. Подтвердить это могут по крайней мере два свидетеля.

– Юра, – укоризненно заметил Гоголев, – ну ты прямо как Валера! Не тяни резину, выкладывай уже все сразу!

– Некто Карагодин Игорь, старшина в отставке, проживает по адресу: Транспортный переулок, дом 11, квартира 45. Родился в 1959 году. Служил в Балтийском флоте. Вышел в отставку. Работал на гражданке охранником в районной поликлинике Центрального района, потом уволился. Ра-

ботал ночным сторожем на мебельной фабрике, тоже уволился. Устроился консьержем в жилом доме на проспекте Бакунина, после увольнения – дежурным в музучилище, опять охранником где-то... В общем, нигде больше трех месяцев не задерживался. Последнее время нигде не работает. Постепенно деградирует – друзья у него такие же. Мы вышли по наводке на его приятеля Виктора Белякова, дворника в ЖЭКе. Прижали маленько, в милиции на него несколько жалоб от его мамы и бывшей жены. Пригрозили сроком – сразу раскололся. Узнали кое-что интересное о Карагодине. Он, оказывается, большой любитель женщин. Беляков с ним ходил на охоту. Как говорится, группа поддержки. Так Карагодин клеился ко всем подряд, в том числе и к совсем юным девочкам, лет по шестнадцать-семнадцать. Ну, кто с ним соглашался провести время, сами догадываетесь. Хоть морячок-то наш старался пыль в глаза пустить – в морской форме всегда на охоту выходил. По два часа чистился, брился. Одним словом – готовился к свиданиям очень тщательно. Накануне Нового года они с Виктором тоже шатались по городу, но тут Карагодина постигла неудача. С горя они напились вусмерть, подрались с кем-то в баре и разошлись по домам. А на следующее утро, тридцать первого декабря, Виктор отправился прямо с утра к сестре в гости – мы проверяли, он там точно был. Вечером пришел ночевать к своему корешу Александру Симакову, он в бойлерной работает. Ну тот и сказал ему, что его разыскивал Карагодин. Как всегда

– весь при параде. Поскольку Виктор уже был хорош, в ЖЭ-Ке с сантехниками приложились, он никуда больше не пошел. Новый год встречали с Александром. Первого января весь день отсыпались. Карагодин к ним не заходил. А второго января пришел какой-то пришибленный. Морда исцарапана, на башке шишка. И в зимней шапке. Он ее сроду не носил. Говорит, бескозырку потерял в новогоднюю ночь. За какой-то красоткой пытался приударить, а она мало того, что спортсменкой оказалась – избила его, так еще по башке чем-то тяжелым треснула. И когда он очнулся, ее и след простыл, и бескозырку его сперла. Он говорит, плохо помнит, как домой возвращался, поскольку сильно выпивший был. Да еще голова очень болела. Первого января весь день спал. К вечеру проснулся с головной болью, да еще бескозырку не нашел – толком ничего не вспомнил и от огорчения опять уснул. И только второго января решил навестить дружка, пожаловаться...

– Виктор Петрович! – Валера все это время сидел как на иголках и только дожидался паузы, чтобы вставить свои соображения. – Чую сердцем, это он! Я же говорил – моряк срочной службы в грязной бескозырке не ходит. Этот Карагодин – одинокий мужик, за ним нет никакого женского пригляда. Но раз он такой любитель женского пола, да к тому же бескозырка пропала в новогоднюю ночь... Ну не может быть такого совпадения! Брать его надо! Мы спросили у Виктора, как выглядит Карагодин. Он его и описал: рост сто восемь-

десять, волосы темно-русые, жидкие... Проведем комплексную медико-криминалистическую экспертизу и прищучим гада! – Глаза Валеры светились вдохновением, и всем своим видом он показывал, что немедленно готов арестовать убийцу.

Гоголев некоторое время молчал, обдумывая полученную информацию. Потом решительно придвинул к себе лист бумаги:

– Что ж, у нас есть все основания просить санкцию прокурора на обыск в квартире Карагодина.

В десять часов утра опера стояли под дверью квартиры № 45 и ждали, когда хозяин соизволит открыть дверь. В том, что он был дома, сомнений не возникало, в глубине квартиры слышались какие-то звуки – что-то гремело, иногда с грохотом падало. Потом мужской голос с кем-то заговорил. Может быть, и с самим собой, потому что ответных реплик не слышалось. Валера нажал кнопку звонка еще раз и не спешил убрать с нее палец. Наконец шаги послышались уже у самой двери и злой мужской голос спросил:

– Чего надо?

– Откройте, милиция, – придав голосу побольше твердости, требовательно произнес Валера.

– Вот еще, разбежался! Какая такая милиция? Может, вы жулики, обманом хотите ко мне проникнуть! Хрена вам!

– Откройте, Карагодин, – подал свой голос Салтыков. –

Некогда нам тут шутки шутить!

Услышав свою фамилию, Карагодин открыл дверь и нехотя посторонился, пропуская следователей в прихожую.

– Чего надо? – нелюбезно встретил он незваных гостей.

– Пока поговорить. А там видно будет, – спокойно ответил Салтыков и пошел в комнату. Карагодин, недовольно бурча, двинулся вслед за ним. Маленькую процессию завершали Крупнин и Гоголев.

– Что это вас так много? – поинтересовался Карагодин, независимо разваливаясь на диване. Дескать, мне бояться нечего, я человек честный.

– Несколько вопросов надо задать. – Салтыков не считал нужным объясняться с Карагодиным.

– Валяйте, – согласился Карагодин, придвигая ногой к себе черепаху. Она замерла, высунув из-под панциря голову и медленно поворачивая шеей из стороны в сторону, будто пыталась что-то разглядеть. Валера с детским изумлением взирал на нее. Он никогда еще не видел так близко черепаху. Увидев ее маленькие злобные глазки, он покачал головой и подумал: «Вот страхолюдина, и на фига держать такую? Небось, еще и кусается...»

– Вы Игорь Карагодин? – Уточнил Салтыков, открывая блокнот.

– Ну, да! – невозмутимо ответил Карагодин, почесывая проплешину на голове.

Валера уже забыл о черепахе, которая на мгновение от-

влекла его внимание, и теперь сосредоточился на происходящем.

– Год рождения?

– 1959, город Петербург.

– С кем проживаете?

– Один...

– А с кем разговаривали?

– Когда?

– Когда мы звонили, а вы долго не открывали дверь. Мы слышали ваш голос.

– А, понял. Я гантели поднимал. Уронил одну. Она покатилась, а тут Поручик выполз. Я его и заругал, чтоб не шляется под ногами. А то зашибу ненароком...

– Странное имя для черепахи, однако... – удивился Валера.

– Моя черепаха, как хочу, так и называю, – не слишком вежливо ответил Карагодин.

– Где вы были тридцать первого декабря с двадцати двух до двадцати четырех часов ночи?

Карагодин помрачнел и задумался.

– Я тогда выпимши был... Гулял по Питеру, искал себе компанию на Новый год. Ну, с девушкой хотел какой-нибудь познакомиться, чтоб не скучно было.

– И как, нашли?

– Нет, одиноких не было. Либо с подругами – а на кой мне две? Либо с мужиками.

– Так-таки и не было одиноких? – уточнил Гоголев, строго глядя на опухшую помятую рожу Карагодина.

– Не было, – замылся Карагодин. – я потом замерз и домой пошел.

– В каком районе вы гуляли?

– Сначала по Лиговскому проспекту, дошел до Площади Восстания, потом завернул на Невский, оттуда на Литейный...

– А в чем вы гуляли?

– Понятно в чем – как обычно. В шинели и бескозырке, – бесхитростно ответил Карагодин, не чувствуя подвоха.

– Вы можете нам показать свою одежду, в которой гуляли?

– Смотрите, коли вам интересно.

Карагодин принес из прихожей шинель и бросил ее на кресло. Салтыков взял шинель в руки, стал ее внимательно рассматривать.

– Вы говорили, что были в бескозырке. А где она?

Карагодин угрюмо насупился и буркнул:

– Потерял я ее... Спьяну.

– Обстоятельства помните?

– Чего? – Карагодин непонимающе уставился на Гоголева.

– При каких обстоятельствах вы потеряли бескозырку?

– Не помню, я же пьяный был, поддал сильно, для сугреву.

– Вы сможете опознать свою бескозырку, если мы вам ее покажем?

– А что, вы ее нашли? – обрадовался Карагодин. – Я свою

бескозырку завсегда узнаю.

– Тогда одевайтесь, проедем с нами.

Сидя на заднем сиденье между Гоголевым и Крупниным, Карагодин все не мог поверить:

– Это ж надо, нашли! А я все переживал. Она же мене дорога как память, я в ней на Балтфлоте сколько служил...

В кабинете Гоголева Карагодина усадили на стул, и Валера вручил ему бескозырку, которую вытащил из пластикового пакета.

– Точно моя, – радостно воскликнул Карагодин, повертев ее в руках. – Я ж говорил – сразу узнаю!

А чего это вы ее в пакете держите? Прямо как ценность какую...

– Вещественное доказательство всегда в пластик кладут, для сохранности, – невозмутимо пояснил Салтыков.

– Не понял! Что за вещественное доказательство? Вы мне толком объясните...

– Карагодин, может, хватит дурака валять? Уголовный розыск потерянными вещами не занимается. Вы лучше припомните, где оставили бескозырку. – Салтыков сурово смотрел на глупо улыбающегося Карагодина и не мог решить – то ли тот действительно не понимает, чего от него хотят, то ли притворяется.

– Да я же говорил уже, что не помню. Выпимши сильно был, а когда забрел в тот двор на Литейном, отлить приспи-

чило, потом еще выпил – замерз очень.

– А дальше что было? Выпил, отлил, опять выпил... Это мы уже усвоили. Продолжайте, Карагодин, что вы делали дальше?

– Спать захотел, домой пошел... – Лицо Карагодина покрылось испариной, и он рукавом вытер лоб.

– Так, Карагодин, вижу, вы не хотите говорить. Тогда я вам напомню, где вы потеряли бескозырку.

В лифте. Рядом с трупом девушки!

– Каким трупом?! Какой девушки? Гражданин следователь, я никакого трупа не видел! Ну привязалась ко мне какая-то девка, я пьяный был, ничего не помню... – Карагодин растерянно переводил взгляд с Салтыкова на Крупнина, потом на Гоголева.

– Девушка к вам сама подошла? Ей захотелось познакомиться с такой пьяной рожей? Вы слишком высокого мнения о собственной персоне, Карагодин. Надо же какой неотразимый! Кончай, Карагодин, лапшу на уши вешать. Не понимаешь, что тебе грозит? – Салтыков перешел на «ты». Комедия, которую разыгрывал допрашиваемый, ему уже порядком надоела. – Колись, запишем явку с повинной. Твоя бескозырка рядом с трупом изнасилованной девушки валялась. Тут уж не отвертись...

– Изнасилованной?! – В глазах Карагодина появился страх, он обхватил голову руками, пытаясь что-то вспомнить.

– Девушка была... Да... Я не хотел говорить, стыдно было. Здоровый мужик, а она меня так исколошматила... Она мне чуть яйца не отбила! – Обиженно вспомнил он.

– Я б тебе их вовсе оторвал! – Салтыков стал закипать. – Давай по порядку. Я тебе помогу вспомнить твои подвиги. Где ты там пил и отливал? Помнишь?

– Я зашел в подворотню, в арку такую. Там справа во дворе садик – кусты, я там стоял. А тут она идет в шубке, – вспоминал он с трудом события четырехдневной давности. – Я к ней подошел, а она в подъезд. Я за ней. А она лифт вызвала, а меня обзывать стала. Идиотом обозвала. Ни за что.

– Как это «ни за что»? Ты поподробней вспоминай. Она девушка из культурной семьи, просто так не обзывала бы. Вот, взгляни на фотографию. Это она? – Гоголев извлек из папки фотографию Алехиной и протянул Карагодину.

– Она, – тихо ответил он и замолчал. Какое-то время в кабинете было тихо. Салтыков вытащил пачку сигарет и закурил, предложив Валере.

– Мне бы закурить... – От былой самоуверенности Карагодина не осталось и следа. Юра протянул и ему сигарету. Матрос явно собирался продолжить свое признание, но ему надо было успокоиться и собраться с мыслями. Он затаился несколько раз и продолжил:

– Я просто хотел с ней познакомиться... Она вызвала лифт, а я зашел с ней. Хотел ее обнять... А она стала отбиваться. Ну, я распалился, хотел ее поцеловать... А она, на-

верное, спортсменка – сильная такая оказалась, вырваться начала, драться. Рожу мне исцарапала, чуть глаз не выколола своим маникюром... Но я не помню, что было дальше! – в отчаянье крикнул он. – Я был как в тумане, я ж бутылку, наверное, всю выхлестал! Почему сразу и справиться с ней не мог! Я к ней со всей душой, а она меня по яйцам! А потом по башке как огрела... Я и отрубился. Пришел в себя, валяюсь на ступеньках, на первом этаже... Бескозырки нет... Думаю, сама смылась и бескозырку сперла, чтобы отомстить мне. Я и ушел домой. Спать.

– Неувязочка получается, старшина! Как это ты на ступеньках первого этажа оказался, если девушку обнаружили на четвертом, в лифте? Может, ты ее изнасиловал, задушил и спокойно спустился вниз? А бескозырку потерял, когда она с тобой боролась. Но ты же распалился, только об одном думал, вот и не заметил, что потерял свою драгоценность.

– Я ее не душил... Боролся, правда... Может, случайно и за горло ухватил, кто ж такое помнит, если тебе по яйцам со всей дури ногой. А потом еще и по башке... У меня потом башка два дня болела!

– У тебя башка от перепоя болела, Карагодин! Скажи, зачем задушил девушку, сволочь?

– А это уже оскорбление, гражданин следователь! Вы слова-то выбирайте!

– Я тебе выберу, – пообещал Салтыков. – Ты только прикинь, что тебе светит в тюрьме, когда почта передаст, за что

сидишь... Прикинул? А теперь колись, что было дальше, после того как девушка тебя ногой пыталась в чувство привести...

Безрадостная картина будущего пребывания в тюрьме, видимо, нарисовалась Карагодину в таких мрачных красках, что он совсем приуныл и надолго замолчал.

– Думай, Карагодин, думай, и поскорее – нам тут с тобой расслаживаться некогда. Девушка, значит, сдаваться не собиралась, ты распаялся все больше, а когда она тебя звезданула по дорогом тебе месту, вообще впал в ярость. Наверняка себя уже не помнил... Только объясни нам, мужикам, как же тебе удалось ее изнасиловать, если тебе со всей дури, как ты говоришь, саданули в это самое место? Ты что у нас, половой гигант?

– Сам удивляюсь, – в голосе Карагодина звучало недоумение. Помню, ударила. Больно было. Я даже заорал... Потом по башке как дала мне... Я и отключился... Пришел в себя – даже удивился. Не понял сначала, где это я. Лежу на ступеньках, в разных местах болит... Встал и пошел домой.

– Что-то ты самое интересное пропустил. Как насиловал, как душил... У тебя состояние амнезии выборочное получается... За что срок можешь схлопотать – не помнишь. Как будто и не было ничего. Не хитри, Карагодин, у тебя мозги от алкоголя атрофировались, не получается у тебя перехитрить нас...

– Что-то вы, гражданин следователь, мудреные слова го-

ворите, не понимаю я вас, – мрачно произнес Карагодин. – Только нечего мне дело шить, не душил я ее. Может, изнасиловал. Только и этого не помню.

– Слушай, Карагодин. У нас ведь улики есть. Твоя бескозырка – раз. Ты сам ее признал. Да нам и не требовалось твое признание – сейчас отправим тебя на экспертизу. Анализ твоих волос проведут, сравнят с теми, что на внутренней стороне бескозырки обнаружили. Далее, под ногтями Алены обнаружены частицы эпителия, сравним с твоим – вон у тебя как рожа разукрашена. Богатым биологическим материалом ты нас обеспечил, старшина. Как получим заключение генотипоскопической экспертизы – тут тебе и кранты. А сейчас пальчики твои откатаем, сравним с отпечатками пальцев на стенке лифта. Не отвертись, морда твоя уголовная.

Карагодин молчал, опустив голову. Казалось, ему уже безразлично, какая участь его ждет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.